

10 Října 1933. **Volné Kozáctvo** Ročník VI.

138

10-го октября 1933 г. 10-го жовтня 1933 р.

ПРАГА РРАНА

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой РІК ВИДАННЯ 6-ий

Ал. Гинтом

СОДЕРЖАНИЕ.

1. S. O. S.
2. Павел Поляков: Семен-отрок. (Verše).
3. Антонина Арсич-Козлова: *⁎* (Verše).
4. С. Савицький: *⁎* (Verše).
5. И. К. Скубани: Кубани. (Verše).

6. Сокол мертв — да здравствует Сокол. (Sokol mrtev — ať žije Sokol!).
7. Трагедия Казачества (Tragedie Kozáctva).
8. Т. Стариков: Затея напрасная и никому ненужная. (Zbytečný podnik).
9. О претендентах. (O pretendenty).
10. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
11. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
12. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Париж. — И. Е. — Хорошо. Привет.
Швеция. — Д. Т. — — Исполнено. Привет.
Александрово — П. К. — Журнал Н. К. посылается. Привет.
Берлин. — И. О. — Исполнено. Привет.
Пирей. — И. В. — Получено. Привет.
Белград. — Н. Б. — Получено. Привет.
Банат. — Г. А. — Получено. Привет.
София. — Ф. Б. — „Нельзя молчать“ не напечатано, т. к. в прошлом номере уже помещена корреспонденция на ту же тему... Привет.
Августов. — А. К. — Получено. Привет.
Белград. — Н. Д. — Получено. Привет.
Лом. — Н. Е. — Получено. Будет напечатано в следующем номере. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В БЕЛЬГИИ:

И. П. Егоров. Bruxelles.

ВО ФРАНЦИИ:

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧЬЕ

ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 138 *Вторник, 10 октября, 1933 = Вівторок, 10 жовтня, 1933.* *№ 138*

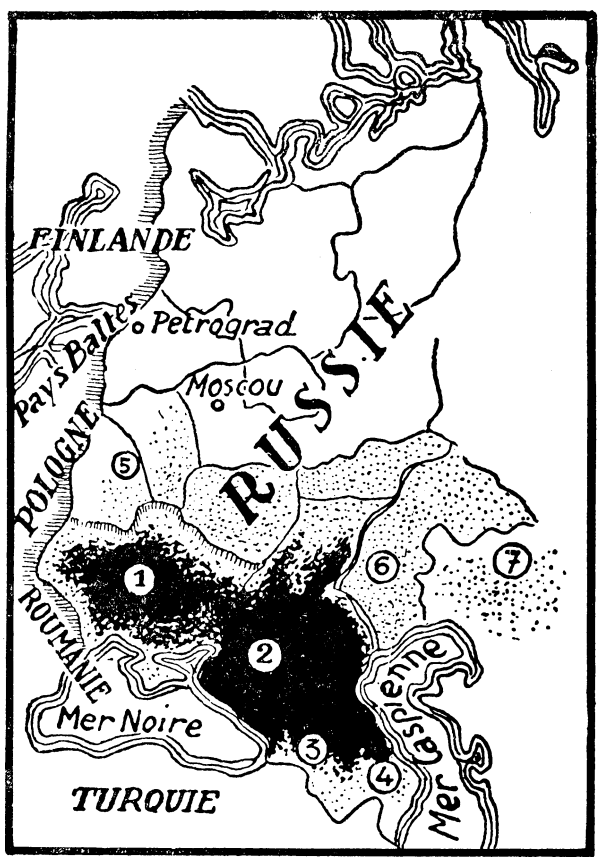
S. O. S.

Strašne vesti, jedna strašnija od druge — stižu iz naših krajeva. Okupaciona vlast crvene Moskve ubija Kozaštvo gladju. Kozaštvo stoj pred neposrednom pretnjom uništenja. Opljačkano, pokradjeno, obesnaženo boljševičkim terorom — streljanjem i iseljavanjem, namučeno moralno, stanovništvo kozačkih zemalja, koje se nije poklonilo pred zavojevačem — uništava se gladju namerno organizovanom od strane crvenih okupatora.

Mre od gladi narod koji u toku cele svoje istorije uopšte nije znao za glad.

Pred užasom savremenog stanja Kozaštva bledja su vremena tatarske najezde, sportskom se razonodom čini stogodišnja borba Kozaka s Turcima, sitnim čarkama pretstavljaju se napadi krimskih Tatara. Strahovit udarac cara Petra već ne može da poredi sa stalnim Staljinovim pritiskom, a raseljavanje Kozaštva pod Katarinom po posledicama svojim daleko je izostalo iza savremene praktike. Od tatarskih napada Kozaštvo ostade čitavo. Čak nešto i više: ono je u mogućnosti da vodi svoju sopstvenu spoljnu politiku — te ide sa Tatarima, te se obraća ruskim kneževima. U borbi kroz vekove s Turcima i Tatarima (nevernicima) češće su Kozaci bili strana koja napada.

Osvrčući se natrag, ne može a da se ne prizna dą su tursko-kozački ratovi služili za obadve strane, a naročito za Kozake — ratnom praktikom. Oporavi se Kozaštvo i od udarca cara Petra. Sakupi se i posle raseljavanja Katarininog. I samo sada u svoj njihovoj oštrini ustaju strašna, neumitna pitanja — da li će se sačuvati Kozaštvo od invazije ruskih radenika i seljaka. Da li će izdržati neprekidan gerilski rat sa moskovskim okupatorima? (Sudari sa Turcima i Tatarima behu kud i kamo lakši jer su se redali sa godinama odmora i mira).

1. Ukraine. 2. et 6. Le pays des Cosaques. 3. Georgie. 4. Azerbaïdjan. 5. Ruthenie Blanche. 7. Kazakstan. („Le Matin" 30-VIII-1933).

Da li će se sakupiti Kozaštvo posle boljševičkog raseljavanja?

Tatari, ako su već uzimali danak (daleko manji nego što ga uzimaju braća Rusi) oni nisu kolonizirali kozačke zemlje.

Bilo je vremena kada su Turci — nevernici spasavali Zaporošce.

Kozačke teritorije izadjoše čitave i čak se raširiše u ratovima i sudarima s nevernicima. Pravoslavni car Petar prvi udario na kozačku zemlju. Pravoslavna carica Katarina prva kolonizuje kozačke teritorije Zaporožja sa ruskim „pomješčicima". Danas pravoslavni ruski „mužik" pod vodjstvom svoje „narodne vlasti" kolonizuje kozačke Zemlje.

A da ta kolonizacija bude što sigurnija — strelja Kozake, iseljava njih — a kada nije ni to pomoglo — organizuje glad.

I mi neznamo sada, da li ima ma gde u istoriji sveta toliko svireposti i nečoveštva koliko njih ispoljavaju sada vladaoci iz crvene Moskve u kozačkim zemljama. Mi znamo za „pobedna nastupanja" i užase koje činiše varvari nad pobedjenim narodima. Ali varvari pobedjivaše, pljačkaše i... odlaziše! Savremeni varvari dodjoše, opljačkaše, uvedoše ropstvo ali i ne misle da odu — obratno, hoće da unište Kozaštvo do kraja, da bi mogli dobiti zemlju za „mužika".

Zašto stanovništvo kozačkih zemalja sada gladuje? Zašto gladuje narod koji nikad nije znao za glad? Neće da radi? Ne rodi kozačka zemlja? Ne! I rade ljudi i rodi zemlja kozačka. Ali su glada željni okupatori (naravno ne za sebe!). Prvo su pljačkali moskovski „drugovi" ogromnim neposrednim i drugim porezima. Posle su uzeli kozacima bolju zemlju, pa nekretnine, pa stoku za sovjetske „kolhoze" u kojima je u većini — tudjinci — željni kozačke zemlje. Za sve ovo vreme streljaše i iseljavaše. Od prošle godine počeše oduzimati od kozaka svu letinu. U ovoi nečovečnoj pljački i leži uzrok glada.

U Rusiji (Velikorusiji) glada nema — baš tamo jedu lebac koji je formalno oduzet iz gladnih ustiju u Kozačkim zemljama.

Boljševici su dugo krili postojanje gladi. Šta više i sada govore da hleba imaju u zemlji dovoljno i to utoliko da mogu čak i da izvoze. Jeste, tačno je to hleba je u zemlji dovoljno, ali nema svak pravo da ga jede.

Bez obzira na želju da sakriju pravo stanje stvari vesti o tome stižu sve češće i češće u stranu štampu. Te vesti donose odande begunci, dovoze strani turisti, javljaju korespodenti stranih novina i listova, saopštavaju tačne podatke strani konzuli i diplomatska pretstavništva. Iz sviju tih podataka sigurno je ustanovljena užasavajuća slika gladi.

U Francuskim novinama „Matin" u broju od 30 avgusta 1933 god. štampana je čak i karta gladi (vidi prvu stranu). Na taj napi gde su crnom obeleženi gladni reoni mi vidimo da su Kozačke zemlje poraženi najviše — sve je crno. Ukrajina nije sva — ima i sivih mesta. Ali Kozačke zemlje — sve crne. Na istoj mapi vidimo kako su sve bledji crni i sivi reoni i kako polako prelaze u belo u pravcu Velikorusije — tamo, ponavljamo — gladi nema!

Stanje gladnih pogoršava se naravno još i time što okupatori ne priznaju da gladi ima.

Kozačka emigracija ne može da učini nikakvu pomoć čak i ni onu koja bi mogla — jer se svaka veza sa emigracijom tamo kažnjava. O vezama pak emigracije sa svojim zemljama, u ma kojim formama bilo — dabome nesme se ni misliti. Teško da će se moći nadati pojavi novog Huvera.

Stanje se pogoršava jošte i savremenim medjunarodnim položajem Evrope, koja nikako ne može da se medjusobno dogovori — „koketira" sa boljševicima. Deset godina koketirala je Nemačka protivu Francuske, sada počinje Francuska u nadi da će pridobiti za se Moskovsko strašilo protivu Nemaca.

Moguće da će to nastaviti Amerika protivu Japana.

Nećemo govoriti u ovom slučaju o posledicama takve igre za igrače — verovatno i sami kartaši ako su ma i malo iskreni a nisu ni slepi — znaju šta vredi njihovo „ushićenje" i njihovi proračuni. Na našu nesreću svi ti „kartaši" u želji da vide svog partnera — saigrača „snažnim" — ne samo što zatvaraju oči na neprekidnu borbu naroda u SSSR za svoje oslobodjenje, već se i stave u tom slučaju na stranu Moskve, u svojim vlastitim interesima. Mi — u našem interesu ne možemo da poželimo sreće tim kartašima.

Zaključak pak iz cele konjukture tamo i van za Kozake je jedan: kakvom bilo cenom pokrenuti pitanje što bržeg oslobodjenja Kozačkih zemalja — jer nikakva žrtva, nikakva cena neće biti prevelika u poredjenju sa cenom i žrtvama koje se plate i čine sada tama Moskovskim okupatorima. Što se pak sadašnje gladi tiče — ma kako da je slab naš glas, ma da se kako beznadan činio nama naš apel, mi se ipak obraćamo ka spoljnom svetu, na svima onim kome nisu strani blagorodni čovečanski osećaji saosečanja, obraćamo se kao ljudi ljudima: Pomozite!

S. O. S.!

Павел Поляков. *(Белград).*

Семен-отрок.

(Поэма).

. . . . . .
Ходят тучи темные,
Серо небо мутное,
Утром затуманенным
Обжигает стыть...*)
Листья — будто вороны,
Мысли — листья желтые,
Что позёмка веются, —
Не остановить.
Мне про Дон бы батюшку,
Да про степь кормилицу,
Да про племя вольное
Песню заиграть
Да в нехитрой повести
Про Семена-отрока
Господу пожалиться,
Детям рассказать...

*

В старину старинную,
Времена далекие
Без молитвы-радости
Нехристь разве жил...
В старину великую
Перед делом-промыслом
Всяк по Дону истово
Крест святой творил...

*

Помоги ми, Господи,
Послужить Казачеству,
За него, родимое,
Жизнь отдать свою.
Упокой мя, Господи,
Промежду курганами
Возле Дона Тихого
Да в родном Краю...

*

Положуся, веруя,
Я на волю Божию,
А на Волю-вольную
Тихо помолюсь,
И за славу Господа
И Казачью Славушку
С нерушимой верою
В другоряд окщусь...

*

Слава Богу Господу,
Слава Дону Тихому
И всему Казачеству
Слава — ярче звезд...
. . . . . .
Я за Правду вечную
И за души воинов,
За нее боровшихся,
Ставлю третий крест.

*) По-донскому холод.

I.

... Разметались руки,
В чубе кровь спеклася,
Кружит, кружит ворон,
Уменьшая круг;
Дует мокрый ветер —
Раздувает пепел,
Засыпает гарью
Пожелтевший луг...

*

... Кончены стремленья,
Кончились желанья —
Не откроет воин
Голубых очей,
Не окинет взором
Ширину Задонья,
Не затянет песню
О красе степей...

*

... Городок разрушен,
Стариков побили
И детишек малых
Покидали в Дон
И всю ночь галдели,
Из пищалей били,
Потолкали с яра
Матерей и жен...

*

... Городок держался
Три дня и три ночи,
Да силен полками
Долгорукий князь...
. . . . . .
... Подолели силой
И огнем спалили,
Из крови и гари
Замесили грязь...

*

... Атаман Ефремка
Шашкой отбивался,
Да его стрелили
Издаля под бровь...
И лежит Ефремка
Посередь ливады,
На татарник смятый
Тихо каплет кровь...

II.

Где-ж Семен Ефремыч?..
... А его ясырка
Балкой по над Доном
Ночью унесла,
В камышах блукала,
По степи скиталась
И, к орде прибившись,
Жизнь ему спасла.

*

Спит Семен Ефремыч,
Пузыри пускает —
Уморился бедный...
Что-ж... нехай соснет...
Морщит нос курносый
И ногами сучит...
Нынче вам, Ефремыч,
Стукнул третий год.

*

Мать толкнули с яра,
А отца стрелили —
Не горюй, Семенка,
Набирайся сил,
Подрастешь — узнаешь,
Кто твой враг извечный,
Кто казачью Волю
На степи убил...

III.

Беспредельной степью
Под орлиный клекот,
Под совиный шорох
Разбрелись стада...
По зеленым травам,
По лугам привольным,
По степным речушкам
Движется орда.

*

Впереди — наездник
Зорок, быстр и жилист,
Конь — в богатой сбруе,
За лукой — аркан...
Солнце тихо гаснет,
Выростают тени,
Задымились юрты —
Выбран новый стан...

*

Гля!.. Семенка вырос —
Десять лет Семенке,
По калмыцки ловко
Знает лопотать,
Он с коня не сходит —
Он табунщик будет,
Он из лука мастер
Сусликов стрелять...

*

Умерла ясырка,
Что спасла мальченку,
Что блюла Семена,
Не смыкая глаз;
От нее Семенка
Об отце Ефреме
И про мать Наталью
Услыхал рассказ...
. . . . . .
. . . . . .

*

Конь в степи стреножен,
Верблюды на пепел
Улеглись. Собаки
Лают на овец,
Ковыли склонились,
Догорают зори,
Серебром белеет
Влажный солонец.

*

Засыпают юрты,
Замолкает гомон,
Полегла скотина —
Стан об'емлет сон...
Загорелись звезды,
Потянуло влагой —
Стал туман над балкой...
. . . . . .
Но не спит Семен.

*

В темноте не дрогнут
Детские ресницы
И глядится небо
В синь его очей,
И мальченка верит —
Вот... окрепнут руки,
Подрасту, ударю
Сам на москвичей...

*

Я спрошу, за что
Маманю утопили?
Я спрошу, папаню
Кто из вас стрелил?..
Я заставлю князя —
Он мне сам построит
Городок, что ночью
С войском попалил...

*

Выгоню их с Дона —
Пусть идут на север,
Позову на помощь
Турок и орду
И до края степи
С именем Кондрата
На знаменах синих
Казаков сведу.

*

Городки поставим,
Обнесем валами,
По границе нашей
Поплетем плетни...
. . . . . .
Тяжелеют веки,
Сон плывет по степи,
Звезды зажигают
Синие огни...

*

Спит Семенка. Тихо...
Конь звенит треногой,
Скоро побелеет
Пред зарей восток,
Пес во сне погнался
За совой... Спросонья,
Широко зевая,
Чешет рыжий бок...

IV.

. . . . . .
Годы...
станьте... станьте,
Вы куда летите —
Аль вам тоже тяжко
От злобы людской?
. . . . . .
Без оглядки — в Лету...
Под сугробный холод,
Под морозный ветер,
Под мятельный вой...
. . . . . .

*

Дымно в теплой юрте,
Покурили трубки —
Из Черкасска прибыл
На улус казак.
Он — нащет скотинки —
Вишь, зима какая,
Выменять бы можно —
Есть сукно... табак...

*

Тихий и неспешный
О торговом деле
Семка переводит
Чинный разговор.
— Ты откеля, малый?..
— Я? — Семен... Ефремов...
Мой убит папаня...
. . . . . .
— Твой „папаня“ — вор!!.
— Что!!!...
Вскочил Семенка,
Ты откуда взялся?
— Я-то!?. все я знаю —
В городке я был,
Твой отец с Кондратом
На царя поднялси —
Я его с пищали
С вала подстрелил!..
— Ты?!.
Дыханье сперлось,
Загорелись очи...
— Ты!..
Так будь же проклят
Окаянный час,
Что в юрте у друга
Я тебя увидел —
Бог тебя сегодня
От отмщенья спас!..

*

Ха-ха-ха...
Поглянь-ка,
Да не лайси, малый,
Мы тебя искали,
Ты-ж сумел уйти...
Жалковал я сильно —
Государь за вора
Казакам целковый
С головы платил...

*

Тихо...
... Тихо стало.

В гробовом молчаньи
Встал хозяин юрты
Старый дед седой
И сказал...
— Послухай,
Знаем, что Иуды
Продали свободу
И присуд степной
Предали... Жалею,
Что тебя я принял,
Уходи... Не можешь
Гостем быть моим —
Я с Кондратом тоже
Против русских бился
И его мы имя
Доси свято чтим!..

*

Злобно гость поднялся...
— Прощевайтя... что-же...
Мне в Черкасской надо...
Тороплюсь... дела...
. . . . . .
Выехал из стана,
Дунула позёмка
И следы по шляху
Снегом замела!..

*

А в юрте Семенка
В истеричном плаче
На воловьей коже
В уголке приник...
. . . . . .
Головой качает,
Злых предчувствий полон,
Разжигая трубку
От угля, старик...

V.

. . . . . .
Зашумели зыком:
— Не дадим... Не надо!
С нас довольно крови,
Коли-ж ты охочь,
То пошли в подарок
Воеводам царским
Для ночной забавы
Маньку... свою дочь...

*

— Эй, гляди, ребята,
Хрест ведь целовали:
Это-ль не измена —
Вора затаить!
Круг замолк...
И ревом —
В куль его, ребята,
В воду его, братцы,
Надо посадить...

*

И сверкнули шашки,
Дрогнул зимний воздух...
— Будя!.. Натерпелись...
Вон отцеда! Гад!
. . . . . .

И ушел побитым
С Войскового Круга
Малого Семена
Добровольный кат.
*
Атаман руками
В курене разводит...
— Хрест мы целовали,
Так-то оно так...
Ты же был на Круге —
Чать слыхал? Чего-же...
Я без воли Круга
Сам — простой казак...
*
Я тут, брат, без силы —
Вишь, как распалились...
Только поошиблись —
Я — слуга царев...
[Шопотком]
— Послушай,
Подседлай-ка ночью
Да степной дорогой
Побеги в Азов...
*
Злобы подлый пламень —
Ты сжигал народы,
Ты родные степи
В рабство обратил...
. . . . . .
На валах Азовских
Увидали — конный...
Часовой ворота
Крепости открыл.
*
Ночью... в темь и холод...
Эскадрон рейтаров
На восток, по звездам,
Держит тайный путь...
— Эй, казак, опомнись!
Ты повел Азовцев...
Эй, казак, не поздно
Коней повернуть!..
*
Комендант Азовский
Спит в опочивальне...
. . . . . .
Степь свою свободу
Продает сама...
А с валов несется
Часовых московских:
„Славен Муром город...
Пенза..а..аа.... Кострома..а..а.“

VI.

В юрте тихо... тихо...
На степи мятели
Громоздят сугробы,
Ветер ветлы гнет,
По базам кизечным,
Плотно сбившись в кучи,
За день передрогший,
Спит, согревшись, скот...
*
Все кругом спокойно,
Лишь Семенку душит
В третий раз пришедший
За ночь страшный сон.
Видит он...
... Дорога
По над Доном вьется,
Видит полный трупов
Обмелевший Дон...
*
А по той дороге
По три в ряд, без края,
Обливаясь кровью,
Казаки идут...
Булавин, Некрасов,
Емельян со Стенькой
И отец Семенкин,
И Семенка тут...
*
В синяках и ранах,
Стрелы впились в тело,
А на шеях — петли,
Головы — в руках,
И идут, шатаясь...
И звенят цепями...
И дымится кровью
Приулитый шлях...
*
А пред ними каты,
Страшные и злые,
А в степи — рядами
Русские полки...
Пригляделся Семка —
Боже!.. Ужас... Боже...
Каты — наши братья...
Каты — казаки...
*
А далеко сзади,
По следам за ними
Ослепленный... тучей
Движется народ...
То народ казачий
По крови героев
Шаг за шагом... молча...
Скованный идет...
*
Ничего не видят
И тревоги полны,
Атаманов ищут
Сотни мертвых глаз...
И несутся к небу
Вопли и стенанья
Из груди казачьих
Неоглядных масс...
*
И ужасны стоны,
И ужасен ропот,
И клубится к небу
Кровяной туман...
. . . . . .
Жуткий вой прорезал
Ночь. Семен проснулся,
На базах тревожно
Взвыл седой Полкан...
*
Сжалось сердце Семки
В бесконечном страхе.
Выйти глянуть, что-ли...
Где треух-то мой?..
... Всполошились кони,
Скот шарахнул с база...
Выстрел! Нападенье —
Стоны...
Крики...
Вой...
*
В ужасе из юрты,
Ничего не помня,
В зипунишке драном
Выскочил Семен
И глядел из балки,
Как улус занялся,
И слыхал калмыков
Умиравших стон...
*
Не нашли Семенку,
Матерно ругались
И к утру угнали
Ошалевший скот...
. . . . . .
. . . . . .

VII.

Поднялись мятели —
Позадули тропы...
. . . . . .
Что там за мальченка
По степи идет?..
*
Медленно... без силы
Поднимает ноги...
Сел под скирд... забился...
Побелел малец...
А сугроб все выше,
Ветер... все сильнее...
. . . . . .
Глянь!.. никак маманя?..
Глянь!.. никак отец...
*
— Это... ты... папаня...
— Я, сынок! Здорово!
Уморился, что-ли...
Ишь — блукаешь сам...
Ну, теперь мы вместе,
Атаманы — с нами,
Наш теперь ты, Сема,
Так пойдем-же к нам!
*
Закружился ветер,
Не видать ни неба,
Ни земли не видно —
Все бело кругом...
Подложив рученку
Под щеку, с улыбкой

Спит Семенка малый
Тихо вечным сном.
. . . . . .
. . . . . .

VIII.

Комендант Азовский
Перечел скотину
И велел старшому
Доложить о всем.
Услыхал...
Как ночью
На улус напали
И побили сонных,
И зажгли потом...

*

Как двоих мальчишек
Там нашли побитых
И казак-доносчик
Их в огонь кидал...
А назад поехал
Хмурый и сердитый —
Выпил, видно, много
И от них отстал...

*

— „И уж вовсе близко
Были мы к Азову,
Да его, вишь, волки
На земь сволокли...
Мы-ж скотину гнали
И перепужались
И ему подмоги
Дать- ат — не смогли!

*

А коня пымали —
Конь донской, хороший,
И его мы просим
В дар с седлом принять...“
Комендант доволен:
— Дать ребятам меду,
По семитке медью
За геройство дать!..
. . . . . .
. . . . . .

*

Тучи...
тучи...
тучи...
Пронеслися мимо,
Только пыль схватилась
С крепостных валов...
И уснули степи,
И катятся реки.
И в ночи чернеет
Вновь чужой Азов...

*

Коль вернется воля,
Коли Бог услышит
Стоны поколений,
Тихий звон молитв,
Коли мир узнает
О любви казачьей,
О бессчетных жертвах
Несчислимых битв...
. . . . . .
... Мне-б шалаш под кручей
Да бахчу на взлобке,
Самоловку... вентерь...
Лодку... перемет...
Да привады банку,
Да табак для трубки,
Да в донском затоне
Солнечный восход...

*

Я, на лодке сидя,
Заиграл бы „гвоздик“...
И, друзей не зная,
О врагах забыл
И восславил Бога...
И, Ему поверя,
Горбылей на муху
Для щербы ловил...

*

А пока... не веря
Ни словам... ни вздохам
И презреть готовый
Слишком лживый свет,
Снова одинокий,
Неоглядной степи
Песнью о Семене
Новый шлю привет..

24-IX-33. Белград.

Антонина Арсич-Козлова. *(Скопље).*

* * *

Где-же вы, степи родные
Вольно-Казачей страны,
Иль вы, как детство недавнее,
Злою судьбой унесены?
Помню я смутно вас, милые
Степи родные мои,
Ленты дорог ваших длинные
В даль, точно в вечность, ушли.
Вижу я беркута вольного —
Гордо над вами парит;
Будто казачьего воина,
Что тайну степей сторожит.

Где-же ты, птица могучая?
Видишь оттуда меня?..
Злая тоска, меня мучая,
Вспомнить велела тебя...
Видишь, что слезы горючие
Очи застлали мои!
Крылья расправив могучие,
В когти возьми ты свои
Меня и над степью родимою
Хоть на мгновенье промчи, —
Ей с горькой слезою прощальное
Я бы послала... „Прости“!

21-IX-1933.

С. Савицький *(Бразилія).*

* * *

О, Господи, не можу я простити
За кров, пролиту на Кубані,
Отим катам, що не дають нам жити,
Що степ засіяли хрестами.
І не по Євангелію Твоєму
Козацтво кличу я до зброї,
Щоб краєві обдертому своєму
Мечем здобуло б сонце волі...

Суди мене, як хочеш... Я не можу
Смирено голову схиляти...
Не можу я стоять на бездорожжу
Й не боронить від ката хати.
Суди мене... та не суди й суворо,
Як смертні стріли залунають:
Ми не полізем до чужого двору,
А до свого, де роспинають!..

И. К. Скубани. *(Румыния).*

КУБАНИ...

О, Родина, любимая, святая!
Я жизнь отдал обманчивой борьбе,
Теперь, больной, душой изнемогая
Как блудный сын, я вновь пришел к Тебе.

Прими меня, сраженного злым роком,
Прожившего химерною мечтой,
В изгнании мучительно-жестоком
Забытого и Богом и Тобой.

Пусть заблуждался я и падал низко,
Не раз сходя с заветного пути,
Ты все прости и лаской материнской
Безвременный закат мой освети...

Сокол мертв — да здравствует Сокол!

1-го октября Прага хоронила полковника Иосифа Швеца — одного из героев Чехословацкой освободительной борьбы, застрелившегося пятнадцать лет тому назад, 25 октября 1918 года, на станции Аксаково Сибирской ж. д. и похороненного в день провозглашения Чехословацкой самостоятельности — 28 октября 1918 г. — в городе Челябинске, а ныне перевезенного на родную землю, в самостоятельную Чехословацкую республику, за которую чех-патриот боролся, но увидеть которой ему не было суждено.

Покойный полковник И. Ю. Швец — одна из тех фигур, какие могли бы служить хорошим примером и нам, казакам, — примером того, как надо бороться за свободу своего народа и за его государственную самостоятельность. Но не только это заставляет нас вспомнить полк. Швеца на страницах „В. К.“ Мы, казаки, имеем и свои особые причины говорить о герое Чехословацкого освободительного движения. Прежде всего, выстрел Швеца напоминает нам выстрел Каледина и по обстановке и по своим мотивам. Но главное — полк. Швец не только чех, он до некоторой степени и наш соотечественник — до войны он был преподавателем сокольской гимнастики в Екатеринодарском коммерческом училище... Ходил он по казачьей земле, дышал Кубанским воздухом, овеяли его степные казачьи ветры...

Бывший преподаватель сокольской гимнастики в Екатеринодарском коммерческом училище
ПОЛКОВНИК ИОСИФ ЮРИЙ ШВЕЦ
командовавший группой Чехословацких войск на Волге и в Сибири, застрелившийся 25 октября 1918 г. на станции Аксаково после того, как заразившиеся большевицкой пропагандой части чешских легионов отказались ему повиноваться.
(Настоящая фотография является собственностью пражского д-ра Ondřeje Biebla, соратника полк. Швеца, и помещается нами с его разрешения. Она не может быть перепечатана или иначе как использована без предварительного соглашения с д-ром O. Bieblem).

Уехав в Россию, он весною 1912 года писал-хвалился своему учителю на Родину: „Итак, и здесь уже, между казаками, развевается сокольское знамя!..“

Иосиф Швец был сокол...

Сокольство, сокольская организация, заложенная д-ром М. Тыршом, сыграла колоссальную роль в деле освобождения Чехословаков и в создании Чехословацкой республики.

Но, есть сокольство и сокольство. Сокольство, только как система физического воспитания народа, как хорошая гимнастическая организация — вещь прекрасная. Но еще более прекрасной и могучей организацией становится Сокол, когда в него вдунута национальная душа народа, его создавшего. Только на национальной почве выростает подлинное значение Сокола. Нет настоящего Сокола вообще, нет „интернационального“ сокольства даже в пределах славянского мира. Вот почему есть Сокол Чешский, Польский, Югославянский, Болгарский. Только в России была проба осуществить сокольскую организацию вообще — и осталась только пробой: украин-

ФОРМА КАЗАЧЬЕГО СОКОЛА:
Черная казачья папаха с малиновым шлыком, малиновая казачья рубаха, серого сокольского цвета бриджи с синим лампасом, черные казачьи сапоги, черный пояс (ремень) с белым — серебрянным или костяным — набором и синий башлык.

цы, казаки, белоруссы — не могли иметь своего Украинского, Казачьего или Белорусского Сокола, не смогли или не сумели создать серьезного Сокола и сами русские (великороссы).

Повторяем, Чешский Сокол сыграл свою доминирующую роль в Чехословацкой освободительной борьбе. Но, чтобы он эту роль свою сыграл, нужна была предварительная пятидесятилетняя работа, создавшая Швецов и достигнувшая того, что в свое время чешские сокола преобразовались в Чешские легионы...

Было время, когда чехи не могли жить своей национальной жизнью, когда они подлинное национальное лицо свое и свои политические стремления не могли выявить открыто. Они и создали тогда своего Сокола, вдохнули ему свою чешскую душу и начали ждать и готовиться, готовиться и ждать. И, как мы сейчас видим, дождались и были готовы... В сокольских рядах Чехи имели в надлежащий момент кадры чешских патриотов, знавших, зачем они создавали свой Сокол, и знавших, что им в каждый момент нужно делать...

Незадолго перед Мировой войной Чехи принесли нам сокольскую идею, идею славянской гимнастической организации. Наше дело теперь создать Казачий Сокол. Это значит, создать не только казачью гимнастическую сокольскую организацию, это значит, создавая Казачьего Сокола, в сокольскую идею внести частицу и своего казачьего содержания, а в казачью сокольскую организацию вдохнуть национальную казачью патриотическую душу... Это значит — через Казачий Сокол занять свое место равноправного члена среди других славянских народов, заняв свое место в международном славянском Соколе.

Для нас, вольных казаков, само собою очевидно, что задачи Казачьего Сокола не могут быть меньшими по отношению к Казачеству, чем задачи Чешского Сокола для Чехословаков или Польского для Поляков.

Вот почему мы приступаем к организации Казачьего Сокола.

Первыми пионерами создания самостоятельной казачьей сокольской организации явились вольные казаки в Брно. В начале их было всего пять, но — вед это же только начало! Имена их: инж. В. Карпушкин (терец), инж. С. Медведев (тер.), инж. А. Алейников (куб.), Мосев (куб.) и инж. к. М. Запорожец (дон.). Начало работы их было настолько успешным, что уже весною настоящего года (21 мая) они шли как самостоятельная казачья сокольская единица в своей казачьей сокольской форме в сокольском шествии улицами Брно и вообще завоевали себе хорошее место в сокольской семье столицы Моравы. Принята уже и своя форма Казачьего Сокола, утвержденная Центральным Правлением ВК, которую мы здесь и об'являем ко всеобщему сведению.

Мы глубоко верим, что инициатива вольных казаков из города Брно будет подхвачена всеми казаками, как верим и в то, что казаки внесут в сокольство и нечто свое, казачье, в частности создадут конного сокола... Не сомневаемся мы и в том, что на будущих всесокольских слетах Казачеству за своего Сокола краснеть не придется...

Вспоминая здесь того, кто один из первых поднял сокольское знамя на Казачьей Земле, мы одновременно заявляем во всеуслышание, что Казачий Сокол уже родился...

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Дон и Украина.

(В конце 1918 г.)

Создавалось грозное положение для Дона, для всего Казачества и для всех народов, на завоевание которых Россия мобилизовала все свои силы. Крушение казачьего Дона означало поражение всего Казачества, падение Дона под ударами империалистической Москвы, без сомнения, означало приближение победы старого эксплоататора над народами, которые старались вырваться из Московской тюрьмы.

Общий интерес народов, боровшихся за свое освобождение, повелительно диктовал необходимость согласования и об'единения их условий в борьбе с общим врагом. Дон своими собственными усилиями весною 1918 г. сбросил с себя власть красной Москвы, уже 8 долгих месяцев своей грудью успешно отражал беспрерывное наступление вражеских московских полков. Дон имел полное право на активную, действительную помощь со стороны соседей.

Левый фланг Дона занимала Украинская Держава, с которой Дон подписал целый ряд соглашений по различным вопросам. С апреля месяца ее территорию занимали немецко-австрийские войска и надежно прикрывали западные границы Донской республики. В связи с уходом немцев и особенно в связи с внутренними событиями на Украине, началось быстрое продвижение на территорию Украины, Московских войск.

Постепенно обнажалась западная граница Дона, от Воронежской губ. до Азовского моря. Эта сравнительная легкость распространения большевицких московских войск по обширной территории соседней Украины в значительной мере облегчала задачи красного командования, решившего, как мы видели, уничтожить вооруженные силы Донского Казачества.

Вместо параллельных согласованных действий Украины и Дона против наступающей Москвы, восточная Украина скоро представляла из себя страну, через которую большевицкое командование бросило 20-ти тысячную армию Кожевникова во фланг и тыл Донским войскам, занимавшим фронт Чертково (на железной дороге Новочеркасск-Воронеж) — Богучар-Поворино.

Таким образом, на правом фланге храбрых Донских войск, у Царицына на Волге, висел 30-ти тысячная X-я большевицкая армия со штабом в Царицыне, с северо-востока, с севера и с северо-запада на Донскую Землю наступали IX и VIII армии в 50 тысяч человек, и со стороны Украины продвигалась на Донскую территорию 20-ти тысячная армия Кожевникова...

Украина явилась той территорией, где эта армия находила себе и пополнения и питание.

Мы уже имели возможность и необходимость констатировать то весьма и весьма важное обстоятельство, что на переломе 1917—1918 г. большевицкая Москва ударила своими войсками в стык Украины и Дона, в общем по линии железной дороги Москва-Воронеж-Миллерово-Новочеркасск. Тогда Москва имела, как мы знаем, успех. На переломе 1918—1919 года Россия повторила свой маневр в борьбе с южными государствами: она их раз'единяла и била порознь. И тоже имела успех.

> „В дни страшного напряжения на севере Войска Донского, говорит б. Донской Атаман Краснов, когда все резервы войска были уже введены в боевую линию, командующему (Донской) армией пришлось создавать новый фронт — Западный... Левый фланг и тыл Донской армии на протяжении слишком 600 верст уже не защищался, даже не охранялся, а только наблюдался кавалерийскими и пешими заставами..." (Краснов, цит. его статья, стр. 266).

Слабость сопротивления Украины наступающим московским войскам и обнажение, вследствие этого, западных границ Дона для непосредственного удара со стороны московских войск, были одной из причин трагедии Казачества. Этого обстоятельства никому не следует забывать при изучении борьбы Казачества с Москвою в 1917—1918 г. г. Если бы Украина в конце 1918 и в начале 1919 г. была в силах защищать свою северную границу от наступающих на ее территорию московских оккупационных войск, положение Дона значительно облегчилось бы. В свою очередь, недопущение Доном московских войск на свою территорию прикрывало бы восточную границу Украины.

События пошли иным путем. С занятием восточной территории Украины московскими войсками, 800 верстный перед тем донской противобольшевицкий фронт растягивался, по крейней мере, до 1200 верст и Дон оказался в московском красном мешке.

При оценке положения Донского Казачества и юго-восточного Казачества вообще в конце 1918 г. необходимо иметь в виду и то, что с занятием московскими войсками Левобережной Украины совершенно прекратился подвоз вооружения с Украины на Дон и на Кубань, что, как мы знаем, имело место в предыдущий период борьбы Юга с Севером.

Все выше перечисленные факты и обстоятельства делали трагическим положение старого казачьего Дона. Всевеликое Войско Донское могло искать поддержки только на Кубани.

Донской Атаман ищет для Дона помощи Союзников.

Все Донское Казачество и часть крестьянства самоотверженно защищали свою землю от надвигающихся русских армий, ибо не на словах, а на деле

„За поля, луга родные,
За могилы стариков,
За напевы удалые
Умереть казак готов...

Если бы к доблести и героизму Донских казаков было придано мудрое политическое руководство Донскою Республикой, без сомнения, исход борьбы с Москвою мог бы быть не такой печальный (о кубанском политическом руководстве говорилось достаточно в I-й части очерков „Трагедия Казачества").

Учитывая положение Дона в связи с победой держав Антанты над Центральными государствами в Мировой войне 1914—1918 г. г. и стремясь к обеспечению так необходимой для Дона внешней помощи, уже 6-го ноября 1918 г. Донской Атаман П. Краснов „снарядил Зимовую станицу — то-есть посольство, в лице двух горячих патриотов Донских генерал-майора Сазонова и ... полковника Янова к французскому генералу Франшэ-д' Эспере, командовавшему союзными войсками на востоке (см. выше цит. статью б. Атамана Краснова). В письме к этому генералу Донской Атаман писал, между прочим:

> „Донская и Добровольческая Армии в общем невелики... без иностранной помощи Россию не спасти... Советские власти ненавидимы Русским народом... Если назначить один корпус (союзных войск) для освобождения Кавказа, один вверх по Волге на Царицын, Саратов, Самару, Пензу, Тулу и Москву, один на Воронеж, Рязань и Москву, можно с уверенностью сказать, что только до Саратова, Воронежа и Курска придется идти походом и с боями — при взятии их Москва падет и дальнейшее движение примет характер триумфального шествия и торжественных встреч.

Украину временно придется занять иностранными войсками. Войско Донское всегда было верно идее единой, неделимой России и за свободу и счастье ее только и борется..." (там-же, стр. 252—255).

Донской Атаман прекрасно знал, что именно Россия шла на завоевание Казачьих Земель, что именно с русским народом казачьему Дону приходилось вести такую упорную и ожесточенную оборонительную войну... Своими же, не отвечающими правде, информациями генерал Краснов сознательно вводил в заблуждение представителей держав Антанты. Выборный глава Донской Республики спешил отказаться от суверенности Дона и поддержать защитников единой, неделимой России...

Русский народ под руководством своих комиссаров и своих генералов выставил на Южный, Восточный, Западный и Северный фронты армии в несколько сот тысяч человек. Конечно, как и при всякой войне, в русских войсках было развито дезертирство; организация новой, рабоче-крестьянской, армии далеко еще не была закончена, но все же, в общем, русские армии вели активное наступление, как на Восточном, так и на Западном и на Южном фронте. Массовых народных восстаний в Великороссии против советской власти не было перед тем, как никогда не было и потом.

И что же мы видим? С одной стороны, Донской Атаман тревожился о том, что „вся Россия шла на Дон, вся Россия шла уничтожать Казачество", а с другой, фантазировал о торжественных встречах и триумфальном шествии! С одной стороны, генерал Краснов принял присягу на верность Донской Республике, а с другой, наперед спешил отказаться от самостоятельности Дона в пользу несуществующей единой и неделимой России. И такой человек в тяжелое для Дона и всего многострадального Казачества время держал в своих руках верховную власть над седым Доном. Если к этому прибавить и роль председателя Донского Круга, В. А. Харламова, который все свои усилия в закулисной упорной работе направлял к тому, чтобы отдать в распоряжение генерала Деникина все силы Дона и в то же подчиненное положение поставить и могучую Кубань (см. часть I очерков „Траг. Казачества"), станет совершенно ясным, что оба эти официальные представители Дона предавали Донское Казачество, которое не из'являло желания ни отказываться от своей государственной самостоятельности, ни желания вмешиваться в русские дела, воюя за интересы одной какой-либо группы русского населения... Донское Казачество только упорно защищало свою территорию от нашествия красных русских полчищ. Однако, эту совершенно разумную и единственно-правильную точку зрения рядового Донского Казачества называли и называют русские люди шкурничеством.

Нужно открыто признать, что закулисная работа председателя Донского Круга Харламова, Кубанского Атамана Филимонова, их единомышленников из числа членов Круга и Кубанской Рады, работа, направленная всецело к тому, чтобы из обыкновенного русского генерала Деникина, бежавшего на Казачьи Земли от своего русского народа, сделать диктатора, руководителя всех казачьих вооруженных сил, уже начала давать свои плоды. Генерал Деникин и его помощники и единомышленники, опираясь на активную поддержку выборных казачьих представителей и руководствуясь их закулисными обещаниями, сумел через своих представителей у держав-победительниц представить дело в весьма выгодном для русских людей освещении. Поэтому и в глазах союзных представителей ген. Деникин уже выростал в заметную фигуру кандидата в русские диктаторы.

Результаты этой закулисной интенсивной работы немедленно заметили представители Дона, посланные Атаманом Красновым к главнокомандующему Союзными силами на Востоке ген. Франше д' Эсперэ.

Генерал Краснов повествует об этом следующее:

„Когда Донские посланцы прибыли в Яссы, ясское заседание там же закончилось. Генерал Франше д' Эсперэ в Яссах не было и вместо него был генерал Бертелло. У Бертелло были уже готовые инструкции. В Версале было решено признать одного вождя и этим вождем был заочно признан Деникин... Его агенты уже были при французском командовании..." (Статья Краснова, там же).

Какие же информации подавали Союзникам представители Деникина. Ген. Краснов рассказывает, что представители Деникина

„нарисовали Донское Войско полубольшевистским государством, руководимым немцами, неимеющими никакой армии... Все это было высказано генералом Бертелло на первом приеме Сазонову и Янову..." (Там же).

Мы не имеем никаких оснований для сомнения в правдивости этого сообщения ген. Краснова.

Что же получается? Донское Войско буквально истекало кровью в неравной борьбе именно с большевицкой Россией, а за его спинами представители „белой России" так беспардонно клеветали на героическое Войско Донское. Русские царские генералы — Сытин, Егоров, Чернавин и многие другие направляли против Казачества стотысячные русские армии, а представители Деникина так бессовестно лгали представителям Антанты на Донское Войско, на Донскую Республику, а, значит, и на все Казачество.

Естественно, что Донской Атаман Краснов скоро проиграл бой с ген. Деникиным за первенство в руководстве силами противобольшевицкой России. Для представителей старой России в Европе, которые всюду еще оставались на своих местах, всех этих посланников, консулов, военных представителей и т. д., для русских генералов, помещиков, фабрикантов, банкиров, „общественных деятелей", членов бывшей Государственной Думы, журналистов бюрократов и т. д., словом, для всех русских людей, что толпились в передних министерств и банков почти всех государств Европы, что наводняли освобожденные от большевиков города в Казачьих Землях, Генерал Деникин подавал далеко более надежд, нежели, хотя и русский генерал, хотя тоже защитник единой и неделимой России, но все же выборный Донской Атаман, генерал Краснов. Как бы то ни было, а на Дону был принят закон об уничтожении среднего и крупного землевладения (свыше 30 десятин), на Дону был введен демократический образ правления, на Дону существовал непосредственный контроль управления со стороны выборных казачьих представителей через Большой Войсковой Круг, генерал Краснов подписал договор о признании самостоятельности Украины, а также договор о признании самостоятельности Кубани... Рядовое донское Казачество весьма храбро и упорно дралось, защищая свою Землю от большевицкой России, но, ведь, это же Казачество возродило свою давнюю самостоятельность, имело свой флаг и герб и совершенно не хотело вмешиваться во внутренний спор русских помещиков и фабрикантов с русскими крестьянами и рабочими.

Эти донские казачьи порядки не были идеалом для русской контрреволюции, для русских единонеделимцев вообще, и потому Донской Атаман не мог быть вождем „белого движения". Однако, генерал Краснов не хотел уступить первенство генералу Деникину. Закулисная борьба этих двух русских генералов за водительство противобольшевицкими силами, начавшаяся еще с мая месяца 1918 года, отняла еще почти целых три месяца и окончилась только в начале февраля 1919 г. уходом Краснова с поста Донского Атамана. По этому вопросу распубликовано уже много материалов (см., например, статью П. Н. Краснова: Всевеликое Войско Донское; ген. Деникин: „Очерки русской смуты", К. Н. Соколов: „Правление генерала Деникина", книгу 3-ю „Донской Летописи" и т. д.). Эта борьба была описана с разных точек зрения, но в этих описаниях почти отсутствует самое главное, а именно, об'ективная оценка того, какой колоссальный вред Казачеству принесла эта потасовка между двумя кандидатами и „спасители России".

Донское Казачество, давшее все для борьбы с наступающими на его Землю русскими армиями, донское Казачество, возродившее свою былую государственную самостоятельность и оформившее ее в виде Рес-

публики Всевеликого Войска Донского, вручило почти диктаторскую власть над собою казаку, но ярому русскому единонеделимцу генералу П. Н. Краснову. Войско Кубанское, благодаря предательству одних и нерешительности других, передало свои вооруженные силы тоже последовательному русскому единонеделимцу, ген. Деникину. Генерал Краснов, при поддержке донского офицерства, сумел из восставших казаков организовать доблестную Донскую Армию, успешно и бесчисленное множество раз бившую большевицкие русские армии. Ген. Деникин в своем распоряжении русской армии не имел, своей программой государственного, политического и социального строительства народные массы воодушевить на борьбу не мог, но его поддерживала русская, в том числе и русско-казачья общественность, имевшая в своем распоряжении весьма важное оружие — прессу; его, до известной степени, поддерживали представители могущественных Союзных держав, победительниц в мировой войне. Это последнее обстоятельство сыграло, как известно, решительную роль в той борьбе, которую Деникин, являясь выразителем желаний и чаяний русских людей, настойчиво вел против Донского, Кубанского и Терского Казачества, фактически на своих крепких плечах выносившего всю тяжесть кровавой борьбы с захватническими стремлениями Сов. России.

Как мы говорили выше, положение на фронте Донской армии к зиме 1918 г. было таково, что требовалась немедленная помощь со стороны освободившейся Кубани, что жизненными интересами всего юго-восточного Казачества вызывалась необходимость скорейшего об'единения военных действий его армий в целях ведения успешной войны за независимость против армий России, имевших единое политическое и военное руководство. Попытка такого об'единения была сделана в мае месяце 1918 г. Договором между Доном и Кубанью предусматривалось установление Доно-Кубанского Военного Совета. Однако, как мы видели, этот договор не был осуществлен благодаря саботажу со стороны Кубанского Войскового Атамана Филимонова.

В сентябре и октябре месяцах того же 1918 г. со стороны русских людей делались многократные попытки склонить Кубань к признанию диктатуры ген. Деникина. При этом Казачество выступает раздвоенно: самостийническая часть Кубани стоит решительно против такого признания, а „русская часть" Кубани — за признание; председатель Донского Круга В. А. Харламов, за признание, а Донской Атаман, генерал Краснов, — против.

На 13 ноября в Екатеринодаре было собрано ген. Деникиным совещание из представителей Добровольческой армии, Дона и Кубани для решения трех вопросов: о единой власти, едином командовании и едином представителе перед Союзными державами. От Войска Донского были командированы на это совещание генералы Греков, Свечин и начальник Войскового Штаба ген. Поляков. Донские представители заявили: 1. Диктатура ген. Деникина не может быть признана, 2. единое командование может быть лишь при едином фронте и 3. единый представитель возможен и желателен (См. выше цит. статью ген. Краснова, стр. 263).

> „К соглашению комиссия не пришла", повествует б. Донской Атаман П. Н. Краснов, „а отношения обострились еще более; непосредственно за комиссией начались репрессии (со стороны кандидата в диктаторы — ген. Деникина) по отношению Войска Донского. Не были отпущены из Севастополя столь нужные Войску (при осаде Царицына) тяжелые орудия, генерал Семилетов получил разрешение на формирование „донского отряда в Добровольческой армии", что давало возможность укрываться от мобилизации и нарушало организацию Донской Армии... Наконец, было решено не допускать представителей Союзных держав на Дон и всячески мешать непосредственным сношениям с Союзниками... Так с приездом Союзников началася жестокая интрига против Донского Атамана и Войска Донского, но им было уже не до того, чтобы парировать ее. Военные события изменились, Войску Донскому угрожала гибель..." (Там же, стр. 264).

Донской Атаман Краснов и вождь русской контрреволюции, ген. Деникин, один другого перегоняя, начали, каждый отдельно, просить помощи у Союзников для дела „спесения России от власти большевиков". Это состязание двух русских генералов в заискиваниях перед Союзниками и в захвате руководства вооруженной борьбой с большевицкой Россией, без сомнения, вредило самим русским людям, но больше всего принесло зла Казачеству.

Силы Деникина.

У ген. Краснова была вооруженная сила — Донское Войско, но Донские казаки не собирались идти на Москву. О таком положении дел на Дону Союзников поинформировали представители ген. Деникина, называя Донское Войско полубольшевицким. С другой стороны представители Антанты не могли не видеть, что у Деникина фактически нет армии, с которой он мог бы начать поход на Москву. В самом деле представители государств Антанты, бывшие в России в период захвата власти большевиками в Петрограде и в Москве и в следующий период укрепления этой власти, видели, что только на нерусских территориях бывшей России — у Прибалтийских народов, в Белоруссии, на Украине, в Казачьих Землях, на Кавказе и т. д. — было оказано серьезное сопротивление установлению большевицкой власти, что только не русские земли позже буквально кипели народными восстаниями против русской власти большевиков; видели они также, что все руководители и организаторы „белого движения" убегали с действительно русской территории (Великороссии на земли соседних народов и тут стремились обосноваться, найти себе живую силу и материальные средства „для похода на Москву". Так было на Юге, так было на Востоке, так было и на Западе.

Союзные представители знали хорошо и о том, что в разных формах и при различных обстоятельствах, но вовсе не русские народы в 1918 г. уже провозгласили свои независимые республики, что казаки, на землях которых обосновался Деникин со своей Добрармией и с русской беженской братией, тоже провозгласили свои независимые государства. И если державы победительницы помогали освобождаться народам средней Европы — сербам, хорватам, чехословакам, полякам, румынам, — естественно, они должны были понимать значение освободительных движений нерусских народов России. Самый факт существования Донского государства со своими законами, со своей Армией и своим Атаманом и Правительством, факт прибытия к Союзникам отдельной делегации Всевеликого Войска Донского, факт существования Кубанского Правительства и заседавшей в ноябре месяце 1918 г. в столице Кубани Кубанской Краевой Рады, принятие ею Конституции Кубани, закона о земле, закона о самостоятельной Кубанской Армии, избрания Делегации на мировую Конференцию; существование Украины и ее борьба за самостоятельность, факт существования Грузинской Республики, Республики Азербейджанской и другие подобные факты свидетельствовали о том, что единонеделимческое русское движение, борьба за возрождение единой и неделимой России не может встретить поддержки народных масс на нерусских территориях бывшей России, что все Деникинское движение строится, собственно, на песке.

Если бы всех этих многоговорящих фрктов официальные представители держав Антанты и старались не замечать, то о широком информировании общественности западно-европейских государств, конечно, постарались сами правительства молодых государств и это они сделали, как через прессу, так и через свои политические и торговые представительства в Европе. И если эта национальная пропаганда и была недостаточной для того, чтобы вызвать прямую и организованную поддержку освободительным движениям народов, то она была вполне достаточной для того, чтобы парализовать пропаганду русских единонеделимцев. Правда, тогда в Западной Европе было еще сильно распро-

странено и популярно традиционное мнение о будто бы национальной однородности России, привитое и укрепленное здесь двухсотлетней монопольной работой официальных и неофициальных представителей русского государства, русской общественности. Правда тогда еще не легко было представителям нерусских народов б. России разрушать это лживое представление о народах б. России...

Во всяком случае, перед глазами Европы тогда предстало несколько „Россий":

1. Россия большевицкая, которая имела в распоряжении русскую территорию (Великороссию) и своими стотысячными армиями стремилась раздвинуть свои пределы до границ 1914 г.

2. Многие национальные государства, вырвавшиеся из-под русского владычества и ведущие борьбу, как с Россией красной, так и с Россией белой...

3. Россия „белая", которая на землях нерусских народов собирала силы для похода против России Красной и против освобождающихся из-под власти России народов.

4. Россия русских соц.-революционеров и соц.-демократов, которая, хотя и не имела в своем распоряжении армии, но зато пользовалась тогда еще моральной поддержкой II рабочего Интернационала, представители которого занимали видные места в составе правительств многих государств Европы.

В первой части очерков „Трагедия Казачества" мы уже наглядно, основываясь на данных самого Деникина, показали, какими, сравнительно, малыми силами в действительности обладал генерал Деникин. В сравнении с поставленным русским белым движением заданиями (1. свержение большевицкой власти и 2. борьба с сепаратизмом) эти силы были просто ничтожны!

Еще в мае месяце 1918 г. Донской Атаман Краснов усиленно звал Деникина выйти с русскими добровольцами на р. Волгу, обещая при этом, что „все Донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину (Краснов, цит. статья, стр. 201). При этом Донской Атаман поясняя, что

„движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губ., сулит добровольцам полный успех... Царицын даст генералу Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и огромные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизило бы, а может быть, и соединило бы нас с чехословаками и Дутовым (Атаманом Войска Оренбургского) и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на Войско Донское, армии могли бы начать свой марш на Самару, Пензу, Тулу и тогда Донцы заняли бы Воронеж". (Краснов, цит. ст., стр. 201).

Деникин не пошел тогда на Царицын, ибо не имел сил для этого. Уже в сентябре месяце 1918 г. Донской Атаман снова весьма настойчиво приглашал Деникина выйти на Север, а не топтаться на Кавказе. И снова ген. Деникин не пошел.

А в это время (13-го сентября) дивизия Дроздовского сдала большевикам Армавир и потом (14-го октября) — Ставрополь и, наконец, была разгромлена таманцами под Ставрополем в конце того же октября месяца... После месячного отдыха и влития новых пополнений эта добровольческая дивизия насчитывала всего навсего около двух с половиною тысяч человек (Деникин, Очерки рус. смуты, т. IV, стр. 73). 6-го декабря 1918 г. эта дивизия с броневиками и авиационными частями была переброшена в район Юзовки (Донецкий бассейн). В январе месяце 1919 г. сюда же была переброшена еще одна смешанная дивизия, насчитывавшая около 2-х тысяч человек.

Вот все, чем обладал Деникин на Северном Кавказе в конце 1918 и в начале 1919 г.

Относительно боевого значения этих сил ген. Деникина на огромном театре войны против большевицких армий на Дону и на Северном Кавказе в этот период времени сам Деникин говорит следующее:

„Донской Атаман настойчиво добивался наступления на Харьков, взятый большевиками 21 декабря, „и занятия северных границ Украины"; а Май-Маевский (командир добровольческих частей в Донецком бассейне) в течение двух месяцев со своими $2^1/_2$, а потом $4^1/_2$ тысячами штыков, с огромным напряжением и упорством едва отбивался от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков"... (Деникин. Очерки, IV, стр. 73).

Выше мы отмечали на основании официальных большевицких и донских данных то обстоятельство, что к декабрю месяцу 1918 г. Москва сосредоточила только против Дона около 120-130-ти тысяч штыков и сабель при 2000 пулеметов и 450 орудиях под руководством царских генералов Сытина, Егорова, Чернавина и многих других. Представим себе, теоритически, конечно, что в конце 1918 г. или в начале 1919 г Деникин только со своими добровольцами, без казаков Дона, Кубани и Терека, принужден был бы столкнуться с этой 130-ти тысячной русской армией и оружием разрешить спор между белой и красной Россией!

Что случилось бы?..

Ведь, добровольцы, ведя борьбу „с огромным напряжением и упорством едва отбивались от Махно, петлюровцев и двух дивизий большевиков", как авторитетно свидетельствует сам Деникин. Где же тут говорить о победоносном походе на Москву!..

Действительная Россия била только по Донским казакам из сотни тысяч винтовок, секла их из 2-х тысяч пулеметов, бомбардировала из 450 орудий. Действительная Россия делала все, чтобы уничтожить Терских и Кубанских казаков. Действительная Россия наступала на Украину, на Восток, на Запад и на Север, и в своей русской армии, организованной и руководимой русскими людьми, насчитывала уже около 800-т тысяч штыков и сабель...

Все это хорошо знал уже тогда ген. Деникин, ибо в его руках сосредоточивались все данные о военном, экономическом и политическом положении противника большевицкой России. Знали и учитывали эти обстоятельства и противники генерала Деникина среди казаков.

Если Атаман Краснов и на северном и на восточном Донском фронте показывал тогда представителям держав Антанты полки и дивизии храбрых Донских казаков, то вождь белого движения, имеющего своей задачей сокрушение стотысячных большевицких армий и борьбу с восставшими против России народами, мог показать, как мы видели (см. ч. I, стр. 257, очерков „Трагедия Казачества") представителям Союзников только полки доблестных... Кубанских казаков.

Тяжело вспоминать о пережитом кошмаре взаимоотношений между „союзниками" — русскими людьми, во главе с Деникиным, с одной стороны, и славным, беззаветно храбрым и добрым Казачеством, с другой. А еще тяжелее принуждать себя к спокойствию, когда постепенно, шаг за шагом, поднимаешь покров времени над недавними событиями и перед тобою открывается бездна человеческого тупоумия, политической слепоты, измен, предательства, невероятной жестокости, неслыханной моральной низости, подлости и своекорыстия, которые были и есть причиною страданий Казачества, потоков крови и, в конце концов, привели его к порабощению на многие годы под ногами русской красной России...

Внутренний враг всегда опаснее внешнего. Позорная память о казачьих клятвопреступниках и низкопоклонных почитателях русского генерала Деникина навсегда останется в казачьей памяти... Не уйти им от справедливого суда казачьей истории...

Деникин мешал казачьей освободительной войне.

Пять томов „Очерков русской смуты", написанных генералом Деникиным в эмиграции, наполнены похвалой русским людям... Попробуем хотя в общих чертах

разобраться в вопросе, что принес Деникин, со всеми своими военными и политическими соратниками, казачьей освободительной войне в 1918 и в начале 1919 г. Вместе с тем ответим и на вопрос: кто из казаков действовал в интересах Казачества, те ли, кто стремился избавить Казачество и Казачьи Земли от плеяды контрреволюционных единонеделимческих общерусских деятелей, или те, кто прилагал все усилия для за крепления над казаками военной и гражданской власти Деникина и его соратников.

Не подлежит никакому сомнению то обстоятельство, что присутствие на Казачьих Землях представителей русской буржуазии, русской контрреволюции в значительной мере усиливало противо-казачьи большевицкие ряды, ибо русские крестьяне и рабочие совсем не желали возвращения старого политического и социального строя. Тот факт, что русские генералы стояли во главе противобольшевицких сил, оправдывал в глазах массы русского населения, в глазах рабочих и крестьян, желание русской большевицкой власти избавить Россию от угрозы возвращения помещиков и фабрикантов на свои места.

Русская контр-революция уже в 1918 году укрепляла большевицкие русские ряды одним появлением Деникинской администрации в освобожденных казачьих местах — в Черниговской губ. и, особенно, в Ставропольской губ. пьянство, бесшабашный разгул, взяточничество, грубости, простое издевательство над населением, обыкновенно, сопутствовали появление Деникинских правителей. Сам генерал Врангель, этот типичный представитель старой царской России, закулисно обвинявший даже Деникина в либерализме, о появлении Деникинских властей в Ставропольской губ. в самом начале ноября месяца 1918 г. рассказывает следующее:

> „4-го или 5-го ноября прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губ. полковник Глазенап со своим штабом. Последний производил на меня самое скверное впечатление... За исключением полк. Яковлева остальные чины штаба вели себя самым непозволительным образом. В самый день приезда полк. Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного ад'ютанта губернатора и двух чинов штаба за непристойное поведение". (Врангель. Записки, т. I. стр. 90).

Кубанские казаки взяли город Ставрополь, понеся большие потери убитыми и ранеными. Казаков, как нарочно, собрали в театр, чтобы показать, что представляют из себя люди, присланные Деникиным для управления освобождаемой от большевицких комиссаров губернией. Какое настроение, какие чувства могли охватывать казаков при виде таких представителей новой власти? А что несла такая администрация населению Ставропольской губернии!?

Неужели казаки для того освобождали ее от большевицких правителей, чтобы управление передать пьяницам, дебоширам и хулиганам?! Ведь поведение администрации не могло быть секретом для населения. А это население не разбиралось в том, какие взаимоотношения существуют между Деникиным и казачьей властью, оно видело факты: казачьи полки гонят перед собою большевицкие полки, а на место самодержавцев-комиссаров восседают русские типы, которых так ярко характеризует Врангель.

Таково было начало. Без сомнения, такая Деникинскаа администрация только усиливала большевицкую противо-казачью агитацию, которая не прекращалась во все время борьбы.

Что дал Деникин казакам в смысле усиления рядов бойцов на фронте? По этому вопросу мы говорили уже достаточно. Следует добавить, что Деникин, при поддержке Кубанского Атамана Филимонова, сумел добиться права мобилизации в армию иногороднего некоренного населения Кубани. Не хотелось бы даже верить в то, что самостоятельная Кубань могла предоставить Деникину такое „право". Но, к сожалению, такой весьма печальный факт в жизни самостоятельной Кубани имел место. Некоренного иногороднего населения насчитывалось на Кубани, приблизительно, около 1-го мил. душ. Что же дали мобилизации этого населения? (Мобилизация только одного года могла дать армии около 10-ти тысяч бойцов).

Во всех своих писаниях Деникин умышленно обходит этот вопрос. Мобилизации были. Но куда же девались мобилизованные? Почему добровольческие офицерские русские кадры не обрастали мобилизованными Деникиным неказаками Кубани, мобилизованными в Ставропольской и Черноморской губерниях? Почему эти кадры не разростались в дивизии, в армию?

Почему, помимо чисто казачьих и горских частей, в начале декабря 1918 г. и в январе 1919 г. Деникин с большим трудом мог набрать только $2^1/_2$-$4^1/_2$ тысячи бойцов? Да, ведь, и в состав этих частей тоже входили кубанские казаки!

Население Черноморской губ. некоренное население Кубани и население освобожденной к тому времени части Ставропольской губ. (уезды Медвежинский, Ставропольский, Благодарненский и часть Александровского) насчитывало, в общем, около 2-х миллионов душ. Мобилизовал это население русский „диктатор" — Деникин. Казачий Дон насчитывал меньше этого количества населения, если считать только казаков. Донские казаки в течение уже 9 месяцев успешно дрались с русскими полчищами, а в декабре месяце 1918 г. отражали стотысячную русскую армию на огромном фронте от Кантемировки до Новохоперска, далее по восточной границе Дона до Царицына и еще далее — до Маныча. Донской Атаман Краснов, зная постоянные претензии Деникина на верховное водительство армиями, зная, что Деникин уже мобилизует бойцов из почти 2-х миллионов населения, зная, что Деникин через своих многочисленных агентов в Европе выставляет себя перед державами Антанты за вождя противобольшевицких сил, совершенно естественно, добивался продвижения деникинцев на Харьков. И что же? Русские люди на всю Европу гремели славу непобедимой русской Добровольческой Армии, а в действительности Деникину воевать было некем. То, что Деникин и его сообщники выдавали за русскую армию, те победы, которые русская пресса и русские представители за границей выдавали за победы русских добровольцев, фактически, как мы видели, принадлежали почти исключительно доблестным кубанским казакам. Добровольцы дрались храбро, но их было так мало, что из них нельзя было составить даже одной, чисто добровольческой дивизии нормального боевого состава. Те части, которым на бумаге, в русских штабах и в редакциях русских газет, прилепляли название добровольческих, пополнялись мобилизованными кубанскими казаками и хлеборобами Ставропольской и Черноморской губ. и Кубани. И, конечно, эти части не были теми силами, опираясь на которые, Деникин мог строить единую и неделимую Россию!

Постоянно играя перед русской беженской общественностью и перед иностранцами успехами русской Добровольческой армии, постоянно выдавая казачьи войска за русских добровольцев, генерал Деникин не нашел в себе сил, чтобы, хотя за границей, воздержаться от выявления этих своих душевных качеств...

Несмотря на это, у него иногда проскакивают данные, которые в совершенно ином освещении, чем то бы хотелось русским людям, представляют описываемые Деникиным события и факты. Описывая северо-кавказскую операцию „русской Добровольческой армии", ген. Деникин поместил в сноске под текстом, совсем мелким шрифтом, перечисление боевых единиц этой армии в конце ноября 1918 г. (т. IV, 106—107 страницы). Посмотрим, из каких частей составлялась так называемая русская Добр. армия:

1. Армейский корпус генерала Ляхова:
   1-я Кубанская пластунская бригада (ген. Слащов),
   2-я Кубанская пластунская бригада (ген. Гейман),
   1-я Кавказская казачья куб. дивизия (ген. Шкуро),
   Черкесская дивизия (ген. Султан-Келеч-Гирей),
   Терский отряд — казаки и горцы,
   Баталпашинские казачьи ополчения.
2. 1-й армейский корпус ген. Казановича:
   1-я дивизия (смешаного состава, большинство кубанцы ген. Колосовский),

1-я Кубанская каз. дивизия (ген. Покровский, врем. Науменко).

3. 1-й Конный кубанский корпус ген. Врангеля:

1-я Кон. Кубанская дивизия (ген. Шатилов),
2-я Куб. каз. дивизия (ген. Улагай),
Сводная конная бригада (ген. Чайковский),
3-я Куб. пластунская бригада (ген. Ходкевич).

4. Отряд ген. Станкевича:

Сводные части 3-ей Куб. каз. дивизии, 3-й Куб. каз. пластунской бригады, 1-й дивизии и другие.

Название частей говорит само за себя.

А где же русские добровольцы? Куда девалась русская Добровольческая армия, о победах которой русские люди на все голоса жужжали в уши официальных и неофициальных представителей западно-европейских государств, подвигами которой заполнялись сводки боевых действий, издаваемые штабом Деникина?

А где же мобилизованные Деникиным жители Ставропольской и Черноморской губерний, где мобилизованные им иногородние Кубани?

Будем совершенно об'ективны и не забудем, что русский добровольческий Корниловский полк в это время находился в столице Кубани, Екатеринодаре, для парадов и для наглядной демонстрации перед Союзниками и русскими людьми сил „русской армии". Казаки мерзли в рано наступавшую зиму 1918—1919 г. в открытых просторах Ставропольской губернии, тысячами умирали от пуль армий, руководимых „красными" генералами из Москвы и Царицына, а „белый" русский генерал, Деникин, предлагал своим соратникам — русским генералам, Драгомирову и Лукомскому:

> „Если вы мне скажете сейчас, что насильственные меры приведут к положительным результатам, я завтра же Корниловским полком разгромлю Кубанское Правительство..." (Деникин, Очерки, т. IV, стр. 52).

Вдумчивый человек, который попробовал бы понять события, происходившие тогда на территории всей б. России, разве не придет в ужас при виде таких фактов: русский генеральный (царский) штаб, под надзором русских комиссаров, организовал и направил на завоевание Казачьих Земель стотысячные русские армии; Казачество буквально истекало кровью в борьбе с этими русскими армиями, а группа русских же генералов, при поддержке изменников Казачества, медленно и осторожно затягивала петлю на доверчивой казачьей шее.

Не осмелившись тогда напасть на казачий тыл, русские генералы напали в самом Екатеринодаре на официальных представителей Украинской Державы. По распоряжению Деникина в помещении Украинского Посольства в Екатеринодаре был произведен обыск, выемка документов и арест секретаря Посольства. Через несколько дней командование Добр. армии арестовало и самого посла Украины полк. Боржинского и сняло украинский флаг. (Г. Покровский. Деникинщина. Берлин. 1923, стр. 68—70).

Не надо и пояснять, какое отношение могло вызвать у Кубанских казаков, в большинстве своем потомков славной Сичи Запорожской, это нападение русских людей на официальных представителей единокровной Украины, с которой Кубань имела целый ряд дружеских соглашений, откуда все лето и осень поступало оружие для Кубанских войск...

В то время, когда славное Донское Войско, напрягая все свои силы до крайних пределов, отражало 120—130-ти тысячные русские армии, в то время, когда Донской Атаман усиленно звал Деникина на Харьковское направление, ген. Деникин в Туапсинском районе держал против Грузии отряд генерала Черепова силою в 3000 штыков и сабель (Деникин. Очерки. IV, стр. 81).

Как мы отметили выше, Деникин жаловался на то, что в Донецком бассейне „2½ потом 4½ тысячи штыков с огромным напряжением и упорством едва отбивались от Махно" и т. д., Деникин не мог удовлетворить настоятельную просбу Донского Атамана выдвинуться со своим отрядом к Харькову, что, без сомнения, вызывалось интересами успешной борьбы с наступающими с Севера большевицкими армиями. Деникин просил Союзников о присылке иностранных войск и, в то же время, без нужды держал 3000 бойцов на берегу Черного моря, ослабляя фронт, где на учете был каждый солдат...

Таким образом, русские люди, внедрившиеся в среду казаков и захватив в свои руки командование кубанскими казаками и мобилизованными хлеборобами Северного Кавказа,

1. не могли дать для казаков серьезной вооруженной помощи на противобольшевицком фронте,

2. уже в 1918 г. втягивали Казачество в войну с Украиной и Грузией,

3. парализовали об'единение Народов Юга для успешной оборонительной войны с наступающей красной Россией,

4. готовили предательское вооруженное нападение на Кубанское казачье народное представительство.

И при всех этих обстоятельствах, известных и совершенно понятных уже тогда, в период борьбы, находились казаки, которые старались всячески закрепить единоличную власть Деникина над Казачеством. Среди этих политических слепцов первое место занимали Кубанский Атаман А. П. Филимонов и председатель Донского Круга. В. А Харламов. Занимаемые ими высокие выборные места в Войсках давали возможность этим людям сравнительно легко итти к своим единонеделимческим целям и бесконечно вредить Казачеству.

(Продолжение следует).

Т. Стариков.

Затея напрасная и никому ненужная.

В Париже снова создается „Казачий Союз". Делается новая попытка об'единить казаков вокруг Атаманов.

Одна из важнейших целей, ради которой предпринимаются эти шаги, заключается в том, что „при об'единении казаков Войсковые Атаманы получают полную возможность опереться в своей работе на казаков, избранных Казачьим С'ездом" (Задачи Казачьего Об'единения, стр. 7).

Таким образом создатели Союза ищут для Атаманов опоры в Казачестве, главным образом для их политической деятельности.

Но почему же прекратил свое существование первый Союз, почему он не дал Атаманам опоры? Какую политику собираются теперь вести Атаманы, ради которой они зовут казаков на помощь и что нового они могут дать?

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо хотя бы в самых общих чертах напомнить казакам о прошлой деятельности Атаманов заграницей.

По приезде в Константинополь они подвели итоги всей той героической борьбе, которую вело Казачество с большевиками. Они не могли не увидеть, что казаки принесли в жертву все свое достояние и жизнь многих тысяч лучших своих сынов, но что они давали только силы и средства, распоряжались же всем этим другие. В Крыму Атаманы отдали казаков в полное распоряжение ген. Врангеля, сами же были только посторонними зрителями и никакого значения, никакого влияния на ход борьбы и на казачьи дела не имели. Разительным примером сказанному может служить то, например, что значительная часть чинов 4 Донского корпуса „по политическим соображениям" была брошена на Кавказе. „Донцов здесь много", ответил ген. Врангель командиру корпуса, отказывая перевезти подчиненных ему казаков в Крым.

Судили командующего Донской армией. На глазах Атамана совершался позорнейший акт издевательства над казаками, Атаман же благодушно наблюдал за ходом „показательного процесса“ и не мог или не хотел стать на сторону правды.

Атаманы не могли не понять, что весь ужас, вся трагедия казаков заключалась в том, что они не были об'единены.

Г. Львов по этому поводу пишет: „Все это подсказало казачеству логически и исторически оправданную только что завершенную печальным Крымским опытом необходимость политической сорганизованности с целью заставить слушать об'единенный голос казачества. Такой сорганизованностью делалась попытка парализовать в будущем повторение ошибок“. (Дон. Летопись. № 1, стр. 267)

Эти мысли, очевидно, и послужили тому, что об'единение состоялось.

Но имели ли Атаманы в то время основание полагать, что они могут заставить „слушать об'единенный голос Казачества“?

В то время Казачество по сравнению с теперешним положением находилось в более благоприятных условиях. Оно составляло две трети всей „белой армии“ и равнялось приблизительно 50.000 чел. Казаки были спаяны единством взглядов, закалены в боях, были дисциплинированы и способны продолжать борьбу. Они готовы были переносить любую нужду, любые лишения во имя спасения своих Земель. В отличие от „белой армии“, во главе казаков стояли выборные Атаманы и их правительства.

Но необходимо заметить, что крымская катастрофа наложила свой глубокий отпечаток на казаков. „Казачья политическая мысль лихорадочно работала над изысканием выхода из создавшегося положения“. Донцы, Кубанцы, Терцы, Калмыки в декабре месяце создали „Союз Возрождения Казачества“, который в своей об'яснительной записке писал: „Единая, неделимая Россия“, „на Москву“, для казачества перестали быть достаточными импульсами в борьбе с большевиками“. В отношении ген. Врангеля Союз занял резко враждебное положение.

Атаманы и правительства были, казалось, не одни. Под деятельность Атаманов, если бы они того пожелали, подводился общественный фундамент, создалась опора. Но и генерал Врангель искал этой опоры в тех кругах, которые ему сочувствовали. Он создал „Русский Совет“, который должен был играть при генерале Врагеле довольно значительную роль. Казачьи Атаманы попадали там на задворки, с ними не хотели считаться. Им предложили такое малое количество мест в Совете, что они решительно отказались войти в него. Они соглашались дать своих представителей только в том случае, если ген. Врангель останется только главнокомандующим и если казакам дадут треть всех мест в Совете, „так как казаки составляют две трети Русской армии“. Атаманы таким образом хотели иметь большее значение в Р. Совете и хотели бы, чтобы Врангель отказался от звания Правителя. Но с требованиями Атаманов не посчитались и они в Совет не вошли.

Еще более резко высказалась против Р. Совета и ген. Врангеля казачья общественность в лице того же Союза Возрождения. В своем меморандуме Союз писал: „Имя ген. Врангеля, проводившего политику попрания казачьих конституций, обеспечивает своему движению, возглавляемому им, крайнюю враждебность со стороны населения казачьих земель“.

Значит и в этом случае Атаманы были не одни.

Дело все кончилось тем, что Русский Совет в мае вынес постановление о разрыве с атаманами и правительствами Дона, Кубани и Терека с тем, чтобы говорить с казаками „через головы официальных представителей“.

Русская зарубежная общественность прибегла к излюбленному Россией способу действий — к расколу Казачества. Благодаря этой системе Дон был в свое время покорен, благодаря ей правительство Москвы, а затем и Петербурга постепенно отнимала у казаков все их права на самоуправление. Большевики, как известно, прибегли к этому же способу. Им же воспользовались русские люди и зарубежом.

Но Атаманы, пользуясь единством казаков, количественным их превосходством, самостоятельностью казачьих государств и своими правами, могли совершенно не считаться с ними. Кроме того, Правительства Дона и Терека вывезли за границу значительные материальные средства, которыми могли на долгое время обеспечить возможность широкой помощи в деле организационно-творческой работы.

Все сказанное выше, повидимому, было учтено Атаманами. Они отказались от подчинения ген. Врангелю и 1 января 1921 г. создали Об'единенный Совет Дона, Кубани и Терека, который ставил себе задачей в целях достижения наилучших результатов действовать об'единенно:

1. во внешних сношениях — укреплять значение и авторитет казачества в глазах иностранных правительств и их народов,

2. во всех вопросах военных — продолжать борьбу с советской властью, ставя себе „священным долгом не оставлять без деятельной помощи население своих краев“,

3. в вопросах финансово-экономических — все заботы о беженцах Совет принял на себя.

4. в вопросах общественных — сохранения единства взглядов, действий и организованных выступлений.

Из этих положений видно, как широка была программа, об'явленная Атаманами в своей декларации. Но она, к сожалению, не была осуществлена даже частично. По некоторым же вопросам Об'единенный Совет и отдельные входящие в него лица нанесли Казачеству трудно поправимый вред.

Что, например, сделано Атаманами по вопросу поднятия престижа и значения Казачества среди иностранных государств, в которых живут казаки?

Выполнение этой важной задачи не представляло особой трудности. Казачество с давних времен было известно всем европейским народам. Его воинские доблести пользовались заслуженным признанием. Репутация их, как выдающихся воинов, полностью подтвердилась в Великую и Казаче-Большевицкую войну. В Европе, хотя и мало, но знали также и о том, что казаки много веков тому назад создали у себя самое широкое народоправство. На западе знали, что казачьи края отличаются большими природными богатствами. Все это вместе взятое увеличивало удельный вес Казачества. Но в Европе не знали одного и при том весьма серьезного обстоятельства. Не знали о том, что казаки в 1918 г. об'явили свои края самостоятельными государствами, что они имели свои демократические республики. Здесь не знали о том, что именно за свою самостоятельность казаки боролись в продолжении 3 лет с Московской коммунистической властью. В Европе считали, что казаки входили в состав белых противобольшевицких сил и преследуют вместе с ними одну и ту же цель — создание единой неделимой России. Казаков отождествляли с русскими. При таком положении выполнить первый пункт соглашения Атаманов — „укрепить значение и авторитет казачества в глазах иностранных правительств и их народов“ — было действительно необходимо. Нужно было принять все меры к тому, чтобы в Европе знали, что казаки восстановили свои старые Войска-Республики, вернулись к испытанному ими в продолжении многих веков народоправству.

Сделать это было не трудно. На руках Атаманов были Конституции Казачьих Земель, утвердившие их самостоятельность.

В Константинополе Атаманы решили, опираясь на свои Конституции, порвать с генералом Врангелем, создать свое об'единение и самостоятельно вести внешние сношения, внешнюю казачью политику и укрепить значение и престиж казаков. Но, к глубокому прискорбию, у Атаманов хватило энергии и решимости только для того, чтобы создать свой Совет и наметить задачи. Справиться же с поставленными задачами они не могли и ничего в этом смысле не сделали. Но этого мало. Через короткий промежуток времени они основательно

забыли то, ради чего рвали с Врангелем и создавали свое об'единение. Они забыли, что для спасения Казачества Европа должна была знать о казаках возможно больше... Ни в каких правительственных кругах ими не установлено никаких связей, никакой пропаганды среди европейских народов о казаках, о их чрезвычайно тяжком положении, они не ведут.

Инертность, пассивность и полное отсутствие какой бы то ни было творческой инициативы привели и к тому, что не только во вне, но и внутри русской эмиграции, среди которой вращаются Атаманы и их правительства, они оказались в положении такой ничтожной величины, с которой никто серьезно не считается. Любой представитель несуществующей уже в действительности партии в русской эмиграции занимает более почетное положение, чем официальные представители славных Войск.

Этого мало. Его судьбой, духовными, политическими и экономическими интересами занялись представители различных политических течений русской эмиграции. Можно представить, что из этого вышло. Эти представители, ничем с казаками не связанные, не понимают его духовного и морального облика и расценивают его ценности с точки зрения своих узко партийных задач.

Такое вмешательство не казаков в казачьи дела дало, как мы знаем, весьма отрицательные результаты. Не казаки сумели изобразить лицо Казачества в искаженном виде. Сами они смотрят на него как бы через кривое зеркало, и через такое же зеркало заставляют смотреть на них других и в том числе и этих иностранцев, среди которых ведут свою политическую работу.

Неправильное представление о казаках, ложное о них толкование создало среди самих казаков глубокую неудовлетворенность и разлад. Между представителями разных политических казачьих течений углубляется пропасть. Казаки перестают понимать друг друга. Единая прежде компактная масса разбрелась по разным политическим лагерям и еще больше утратила свое значение.

Такой печальный итог можно подвести и под остальными пунктами программы деятельности Об'единенного Совета.

Что, например, сделано в отношении „священного долга не оставлять без деятельной помощи население своих краев"? Большего укора Атаманам поставить нельзя.

Попытались Атаманы еще в Константинополе послать отдельные партии для связи и руководства казачьими восстаниями. Но это было сделано так неумело и так неосторожно, что привело только к гибели храбрецов.

Ничтожную инициативу проявили Атаманы и по третьему пункту своей программы. Заботу об устройстве беженцев „впредь до возвращения в родные края" они свели к выдачам единовременных пособий, но по такой системе, которая оставила во многих душах горький осадок. Расселение же казаков и устройство их по славянским странам происходило по частной инициативе или по инициативе общественных организаций. Единственная помощь Атаманов в деле расселения казаков заключалась в исхлопотании виз для в'езда во Францию на работу. Но это делалось в то время, когда Франция нуждалась в притоке иностранных рабочих, когда визы выдавались без всякого затруднения.

Еще хуже стоит вопрос о расходовании тех больших средств, которые были вывезены заграницу донским правительством. Атаман и правительство избегают дать о них публичный отчет. Это ведет за собой недоумение и тяжелые подозрения по адресу ряда ответственных лиц. Серебряный фонд, продажа чемодана с ценными бумагами в Софии у бывшего председателя Донского правительства Апостолова, выдача ген. Богаевским долговых обязательств донским коннозаводчикам за якобы реквизированный у них для нужд армии скот... И это в то время, когда казаки, вынесшие на своих плечах всю тяжесть борьбы, потерявшие все свое имущество, родных, близких... не пред'являли никаких претензий.

Все эти обстоятельства настоятельно требуют скорейшего опубликования отчета.

В смысле общеполитической деятельности Об'единенный Совет оказался простой фикцией, пустым местом. Никакой политической программы он не создал. Идет на поводу и действует по программам то г. Милюкова, то ген. Кутепова, то ген. Миллера. Своего политического лица Атаманы не имели, не имеют и иметь, очевидно, не будут.

В зависимости от места, времени и обстановки атаман Богаевский заявляет, что он монархист, непредрешенец или сторонник Донской конституции и что он выполняет программу, начертанную Донским Войсковым Кругом. При такой линии политического поведения председателя Об'единенного Совета никакого единства казачьей мысли не могло быть. Поэтому то и случилось, что руководство политической жизнью стало переходить в другие руки.

Всего этого Атаманы не могли не заметить. Как только они убедились, что казачья масса идет мимо них, они решили создать „Казачий Союз", чтобы опираться на него в своей работе. Но ввиду полного отсутствия ясной и при том казачьей программы, Атаманам не удалось ни вести за собой казаков, ни опираться на них. Смешно было бы думать, чтобы это удалось. Казаки не могли пойти за теми, кто как кукушки, пользовались чужими гнездами — программами, не имели своего казачьего лица, не служили казакам, не ставили себе казачьих целей, казачьих задач...

И вот теперь, после того, как успел совершенно заглохнуть один Казачий Союз, Атаманы решили создать себе „новую" организацию с тем же старым содержанием и названием. Атаманы ставят себе задачей об'единить казаков, подкрепить свое утраченное положение с тем, чтобы бороться за Россию в тесном контакте с Русским Общевоинским Союзом. Ради этой борьбы за Россию Атаманы и зовут к себе казаков.

Но разве перед казаками не стоит более жизненная, более необходимая задача — борьба за Казачество?

Но удастся ли Атаманам повести за собой казаков? У них было когда то крепко спаянное строевое казачество, с доверием готовое вручить себя руководству своих выборных вождей.

Теперь, как мы говорили выше, Казачество становится все больше и больше во враждебное отношение к своим Атаманам. Об об'единении под водительством Атаманов можно было еще думать, когда казаки верили, что Атаманы станут на казачий путь, на защиту казачьих интересов, казачьих прав. Теперь этого нет. Атаманы открыто стали в подчинение главы Общевоинского Союза генерала Миллера. Маска снята. Игра кончилась. Мало кто верит Атаманам и как людям, и как вождям. За ними идут еще некоторые казаки. Но таких последователей становится все меньше и меньше.

И это произошло не случайно, не вследствие „политических интриг", не в силу какого либо „разложения" казачьей эмиграции, а вследствие полной политической несостоятельности Атаманов и их правительств, в силу их инертности, пассивности.

В результате получилось, что гора родила мышь. После 13 лет работы об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека появился на сцену новый Казачий Союз, который с теми же руководителями начнет ту же старую работу, которая была намечена 1 января 1921 г. и не проведена за эти долгие годы в жизнь.

Кто же теперь поверит в успех этой работы, кто поверит, что Атаманы выведут Казачество на путь достойный его исторического прошлого?

Инициаторы создания нового Союза уверяют, что они будут стремиться к „самому широкому самоуправлению, к выборности войсковых атаманов. „Это, по их мнению, минимум того, что „политически об'единяет всех казаков в одно целое". „Но, говорят они, мы не отрицаем и такого положения, при котором, как было в период гражданской войны, казачеству вновь придется впредь до воссоздания России, строить свою самостоятельную государственную жизнь". И тут же добавляют: „От этого зарекаться не приходится".

Это добавление показывает, что авторы считают самостоятельность Казачества каким то необходимым злом, на которое можно пойти только в силу крайней нужды... И снова, конечно, такие руководители будут обманывать казаков, приводить их к присяге на верность Казачеству, составлять свои основные законы, обещать независимость, а в действительности использовать казаков для службы той России, которая ни в какой степени этой службой не нуждается, Она ей не нужна и не нужна настолько, что казаки теперь физически истребляются, морятся голодом, расстреливаются, как ненужный элемент.

О какой же службе теперь может итти речь и во имя чего?

Не служить нам надо кому-нибудь, а спасать себя и служить себе.

Уже изложенного достаточно для того, чтобы ответить на поставленные в начале статьи вопросы: почему прекратил свое существование первый Казачий Союз, почему он не дал нужной Атаманам опоры, какую политику собираются вести Атаманы, ради которой зовут казаков на помощь, и, что нового они могут дать?

Ясно, что первый Казачий Союз прекратил свое существование потому, что он был создан ради мертвых, нежизненных идей, или во всяком случае ради таких идей, которым казаки в глубине души не сочувствовали. Эти идеи их не увлекали. Они ничего не говорили ни их уму, ни их сердцу, ибо еще в Константинополе было признано казачьей общественностью, что „Единая неделимая Россия для казачества перестала быть достаточным импульсом“... В силу этих же причин Союз сам оказался нежизненным.

Во имя какой же идеи зовут Атаманы казаков в новый Союз? Спасать всю ту же единую неделимую, которая, как сказано выше, не нуждается ни в спасении, ни в казаках. Новый Союз, если он будет создан, также будет обречен на медленную смерть, как и первый.

Затея напрасная и никому ненужная.

О претендентах.

Все мы очень хорошо знаем, с какой легкостью Россия в 1917 году рассталась с Романовской династией. Больше того, до сих пор никто из нас еще не слыхал о том, чтобы в России хотели возвращения кого либо из Романовых к власти. Еще больше того:

Дом Романовых — дом весьма многочисленный... Почти три года боролось Казачество с большевиками. Боролась Сибирь. Боролась Украина. И другие боролись. И лишь Романовы не боролись... Как ничего не делают они и сейчас (кроме, конечно, своих личных дел).

В настоящее время русские „младороссы“ вместе с некоторыми „русскими казаками“ ведут агитацию о замене (казачьими руками!) Сталина на Кирилла. Если бы в этой агитации не фигурировали казаки — в качестве ли теперешних агитаторов или будущих „исполнителей“ — все равно, — мы в это дело не вмешивались бы, считая, что это внутренний русский вопрос — сажать на свой трон себе правителя (царя или комиссара — это их дело).

Мы не раз уже об'ясняли свое отношение и к России, и к русской власти — прошлой, настоящей и возможной будущей — исходя каждый раз из своей собственной точки зрения, с которой мы подходим к решению с в о е г о к а з а ч ь е г о в о п р о с а.

Не будем в данном случае повторяться, но, чтобы агитация „младороссов“ и их друзей околпачила по возможности меньше неискушенных в политической игре казачьих голов, приведем ниже характеристику двух Романовых: одного – бывшего „Походного Атамана всех Казачьих Войск“ во время Мировой войны, другого — как раз нынешнего претендента на русский престол. Характеристика эта, сделанная русским человеком, написанная на русском языке и напечатанная в русском журнале („Былое“ за 1908 год, № 8, стр. 82-88) говорит столько сама за себя, что ни в каких комментариях совершенно не нуждается. Озаглавлена она: „Великие князья на войне“ (Из воспоминаний б. военного кореспондента Ф. П. Купчинского), а текст ее такой:

I. Борис в Ляояне.*)

... Война разгоралась. Сразу было видно, что особенно настойчиво японцы станут вести блокаду Артурской крепости, дабы, закончив ее скорее, послать на север войска, осаждающие Артур, и флот для встречи эскадр Рождественского и Небогатова. До закрытия сообщения с Севером, когда поезда еще свободно циркулировали между Ляояном, где был штаб Куропаткина, и Артуром, все инстинктивно чувствовали, да и понимали рассудком, что это там — в Артуре — разыграется самая трагическая часть сумасшедшей, ненужной войны. И все стремились в Артур, все интересовавшиеся войною, „прикомандированные“, „находящиеся в распоряжении“, „уполномоченные“, „командированные“ и прочие, приехавшие на войну из любопытства или расчета получить награду.

Отправились и братья Кирилл и Борис Владимировичи, дебоши которых в Петербургских ресторанах, наконец, стали „в глазах общества“ компрометировать августейших повес.

— Надо отправить мальчиков проветриться — говорил их отец, Владимир Александрович, беспутный дядя Николая II, известный и в России и в Париже кутежами, дорогими забавами на свой или чужой счет. И „мальчиков“ отправили.

Одного — старшего — Кирилла — в Порт-Артур, в штаб адмирала Алексеева на „Петропавловск“, а другого — младшего — к Куропаткину в Ляоян. Последнего особенно нужно было на некоторое время убрать из Петербурга, так как ряд полученных им пощечин от разных лиц, по разным случаям его бесчинств, заставили выйти даже его из Л.-Гв. Гусарского полка, в котором он числился корнетом.

Снарядили для „мальчиков“ особые поезда, которые по пути своего путешествия к театру войны, конечно, тормозили и портили все движение военных поездов; последние задерживались, запаздывали из-за великокняжеских поездов, тогда как имевшаяся в нашем распоряжении одна железнодорожная колея, конечно, и без того плохо и не во время доставляла как самих людей, так и припасы.

„Мальчикам“ дали особые свиты. Эти „свиты“ состояли из молодых собутыльников и товарищей по кабакам или полкам великих князей; кроме того, везлась бесчисленная прислуга, любовницы, лошади, экипажи, собаки, рояли, вина и проч.

Когда эти поезда проезжали мимо какой нибудь

*) Статьи Ф. Купчинского в „Руси“, печатавшиеся почти беспрерывно два года о том, как велась война с японцами, как грабилась русская казна русскими генералами и полковниками, интендантами и строевыми, от Квантуна до Харбина, от Харбина до Петербурга, Москвы, Киева и Варшавы, доставили немало хлопот военному министерству, пытавшемуся в ряде циркуляров опровергнуть свои же документы. Автора привлекали „за клевету“, но когда стало обнаруживаться безвыходное положение военного министерства, стали привлекать уже по 129-й статье, за прежнюю его литературную деятельность, чтобы лишить возможности продолжать следствие. Автор был арестован и выпущен под залог, но принужден был покинуть Россию в виду новых привлечений по 129 ст. Многое, известное Купчинскому, не могло быть оглашено в подцензурной печати, но теперь „Былое“ имеет возможность это сделать.

станции, там стоял невообразимый переполох. Делать надо было даже невозможное, только бы пропустить поезд. Начальники станции теряли голову. Поезда с необходимыми припасами, спешившими в Артур, ставились надолго на запасные пути, лишь бы пропустить очень „спешивших“ на войну великих князей.

Поезд Бориса остановили в Ляояне и поставили на одном из запасных путей, а Борис, прикомандированный к штабу Куропаткина, получил возможность начать свою „деятельность“ на театре военных действий. Необычная обстановка жизни „на войне“, а, в сущности, в тылу войны, очень забавляла много видов видавшего уже на своем веку молодого бездельника царской крови. Пьянство, разврат, картежная игра и дебоши, царившие в Ляояне, побледнели перед проделками Бориса. Не имея ровно никаких дел, как всегда, Борис стал забавляться. С утра он выезжал со „свитой“ уже навеселе, по китайским деревням. Безобразия творившиеся там, не поддаются никакому описанию. Для забавы Бориса насиловались и секлись китайские девушки и мальчики. Убеждавших прекратить распутство китайцев, вступившихся за своих, — хватали и били, отрезывали косы, секли и пр. Не раз были высечены Борисом представители населения, фудутуны и цян-зюны, приезжавшие просить опомниться и не обижать невинных мирных поселян. Часто целые китайские депутации являлися к Куропаткину с жалобами на Бориса, но все знали, что эти жалобы ничем не кончались. Говорили о том, что Куропаткин во всевозможных формах делал замечания великому безобразнику, но тот мало этим смущался. Офицеры, бывшие свидетелями одного такого „замечания“, рассказали мне очень интересные подробности, особенно характеризующие полную безнаказанность Бориса, так же как и полное бессилие Куропаткина избавиться от него. Это было на станции Ляоян. Вакханалия пьянств, драк, не прекращавшаяся в здании Ляоянского вокзала, обратили, наконец, на себя внимание главнокомандующего и Куропаткин однажды появился на вокзале, в „ресторане“, среди облаков табачного дыма, в гаме и криках пьянствующего офицерства. Он успел дойти со своим ад'ютантом до половины залы, когда только его заметили и начали вставать. Покачиваясь, оправились и встали все офицеры, которые еще не лежали под столами мертвыми телами. Не встал только Борис, кутивший в углу со своей шайкой. Он развалился небрежно в кресле в растегнутом сюртуке и, постукивая каблуком по столу, один был слышен и очень заметен в воцарившейся вдруг тишине. Исподлобья, надув губы, смотрел он на Куропаткина, его „свита„ пыталась ему подражать, но эта шалость может стать опасной.

— Вам не стыдно, господа офицеры? — начал Куропаткин, — теперь, когда там люди умирают, вы безобразничаете и пьянствуете, как в притоне каком нибудь, здесь на глазах солдат, в двух шагах от моего штаба, вы, которые должны служить примером солдатам!

Все слушали молча; Борис продолжал сидеть и ворчал что то себе под нос, однако настолько громко, что слышали все; что то ворчали и его собутыльники. Куропаткин повернул голову в сторону великокняжеского стола, густо покраснел и направился туда. „Свита“ вытянулась. Борис заметно сконфузился, но продолжал сидеть.

— Ваше высочество! — начал Куропаткин. — Во-первых, встаньте, ваше высочество.

Борис как бы минуту колебался: встать ли ему, или можно продолжать сидеть? Но после стал тихо, небрежно подниматься и, облокотившись на стол руками, привстал. — Что же, можно и встать! — произнес он небрежно. Он хотя был пьян, но не настолько, чтобы не понимать, что происходит.

Ваше величество, — продолжал Куропаткин, сдерживая волнение, — я принужден буду телеграфировать в Петербург о том, чтобы Вас перевели в распоряжение наместника, там, в Мукдене, вашему высочеству будет больше дела, да и будет приятнее...

— Вот еще! — раздался ответ Бориса, — мне и здесь хорошо!

Это было сказано таким тоном, что Борисова пьяная „свита стала закрывать рты руками, как школьники, чтобы не фыркнуть, когда дерзит директору товарищ.

Куропаткин отошел. А Борис в армии все таки остался. Ночью из его вагонов раздавались женские крики, песни и музыка, пьяные, перекликавшиеся голоса, визг и шум. Из маленьких окон пульмановских вагонов рекой лился во тьму свет. Солдаты шопотом передавали друг другу, проходя: — здесь его высочество забавляться изволят. Офицеры, прибывающие из действующих отрядов, проходили мимо великокняжеских потех запыленные, грязные, усталые, дрожащие от негодования и бессильного возмущения. Иногда Борис, нарядный, смеющийся, надменный, окруженный друзьями собутыльниками, стоя в окне своего „вагона-столовой“, острил громко по адресу проходивших по грязи офицеров и вся компания „свита“ разражалась громким, подобострастным и злым раскатистым смехом. Все это видели солдаты, несшие повсюду кругом и тут же вблизи службу часовых, рассыльных, ординарцев, деньщиков и проч.

Так забавлялся на войне вел. князь Борис Владимирович, двоюродный брат царя Николая, устроившего эту войну по наущению Плеве для того, чтобы „победить и раздавить в корне революцию“, как выражался Плеве. Как известно, последствия то были иные.

II. Кирилл и Борис в Порт-Артуре.

Прикомандированный к „Петропавловску“, собственно, в штаб главнокомандующего и наместника Алексеева, Кирилл, обедая и ужиная в офицерской столовой, частенько хвастался перед своими товарищами-офицерами, рассказывая о себе и о брате, о похождениях петербургских, о кутежах и проказах веселой, бесшабашной жизни. Молодые офицеры слушали с замиранием сердца хвастливые рассказы, завидовали и подобострастничали. Часто за общими обедами присутствовал адмирал Макаров; между последними и Кириллом неоднократно происходили пререкания и недомолвки, вследствие которых Кирилл часами ходил надутый и недовольный.

— Там Вы — великий князь, а здесь Вы — лейтенант флота, которым я командую, — сказал однажды Кириллу Макаров на общем обеде, когда тот позволил себе какую то великокняжескую вольность.

... Когда в роковое утро гибели „Петропавловска“ флот вышел в море, как известно, Кирилл был на „Петропавловске“. Борис был на одном из фортов и смотрел в подзорную трубу; когда флагманское судно, страшным взрывом подкинутое кверху, вдруг как бы распалось на две части и исчезло в столбе воды, паров, огня и черного дыма, Борис закричал на форту, бросил трубу и побежал вниз, не зная зачем. Его догнали с лошадью и уговорили сесть.

— В Россию, в Россию, все погибло! — кричал он своей свите... и галопом спешил к вокзалу через город. В то же утро ген. Стессель, считавший почему то опасным мое пребывание в Порт-Артуре во время сражений неожиданно распорядился арестоватт меня, требуя моего скорейшего от'езда в Ляоян. Я обещал ему вернуться из Ляояна через три дня, а пока покорился и, собрав вещи, ехал к вокзалу в сопровождении двух жандармов, эскортировавших меня, обязанных Стесселем „увидеть, как я сяду в поезд и выеду“. Я ехал по городу, наблюдая смятение, царившее на улицах. Тревожная весть о гибели Макарова и „Петропавловска“ бежали из уст в уста, волнуя и мучая. На вокзале я застал много жандармов и солдат, не пускавших публику к поезду. На платформе крича и ругаясь, ходил молодой офицер-кавалерист, изысканно одетый, чисто вымытый, с франтовски подкрученными маленькими усами, в звенящих шпорах — это был Борис. Заложив в карманы обе руки, он громко ругался последними словами по адресу железнодорожной прислуги, топал ногами и кричал. Чиновники и служащие почтительно толпились в стороне, противоположной той, где, мирно беседуя и куря, стояли Борисовы товарищи-собутыльники, такие же нарядные и примазанные, как он, офицеры.

— Это, черт знает, что такое! — неистовствовал Борис, — я хочу ехать в Россию, а вы не можете дать мне поезда! Я требую сейчас же поезд! Далее следовала неповторимая ругань.

— Ваше высочество, — прикладывая дрожащие от испуга руки к козыркам, лепетали в ответ напуганные великокняжеской руганью служащие, — мы ничего не можем сделать; в нашем распоряжении нет свободного паровоза в эту минуту, подождите хоть полчаса; поезд будет снаряжен.

Но Борис не унимался, он топал ногами, неистовствовал, ругался, обзывал всех мошенниками, подлецами, изменниками, грозил, плевался, даже плакал и, наконец, заявил, что пойдет по полотну железной дороги пешком. Его уговаривали, почтительно предлагая успокоиться и немного подождать, но он все таки отправился. Служащие не могли удержаться от улыбки, видя, как он зашагал по полотну от станции. „Свита“ в недоумении последовала за ним на некотором расстоянии. Наконец, на вокзале было получено сообщение по телефону, что вел. князь Кирилл, которого считали сперва погибшим, жив, вытащен из воды матросами и отправлен в коляске на вокзал. Приказывалось немедленно приготовить поезд, который должен будет перевозить потрясенного Кирилла в Ляоян и в Россию. Погнались за Борисом и сообщили известие, прося вернутся и отбыть с поездом брата. Борис ничего не ответил, круто повернул, пошел опять к станции. Я стоял у входа, когда он вошел, ругаясь, в телеграфную контору и стал при мне составлять телеграмму самого отчаянного содержания. Я писал телеграмму о гибели „Петропавловска“ (телеграмму, после задержанную и не дослaнную). Ждали телеграмму Бориса и моей не принимали. Борис нервничал и чиркал. Он писал приблизительно так: — Россия погибла, Порт-Артур погибает, „Петропавловск“ погиб, Макаров погиб, брат погиб, но спасли из воды, тяжело ранен. И после прибавил что-то относительно изменников и поезда. Со „свитой“ своей он точно поссорился; какая то сконфуженная и притихшая, она стояла по прежнему в стороне. В комнату вошел быстро офицер и сказал, что привезли раненного его высочество. Борис стал стучать кулаком по-столу: — „Ну, так поезд, поезд скорее, мерзавцы, а то я разнесу все тут и всех“... И он пошел на платформу, вовсе не выразил никакой радости при виде спасенного брата, которого несли на руках матросы... Кирилл был так напуган, что не мог говорить. Его принесли на руках прямо в вагон и уложили в постель. Он стонал и плакал, конечно, от сильного морального потрясения, так как ранен не был вовсе. Его вытащили из воды матросы, рискуя жизнью, так как он кричал, очутившись в воде: „Я великий князь, великий князь, спасите меня, вам много заплатят!“

При мне пришли к поезду мокрые, обожженные и перевязанные матросы и робко спрашивали случайно у меня: „Не знаете ли, ваше высокородие, где тут великий князь, он обещал нам заплатить за спасение, повидать бы хотелось, а то уедут — забудут“. Их привели офицеры к Кириллу; они вышли от него с заплаканными лицами.

Я должен был ехать с этим поездом. Жандармы внимательно следили за тем, уеду ли я? Поезд медлил... Из окна вагона раздавался спор августейших братьев, попавших неожиданно в такую скверную передрягу. Во все концы летели телеграммы Кирилла о том, что он сильно ранен, что лежит без сознания и проч. Молва еще их преувеличивала и в общем выходило то, что в Ляояне, Мукдене и дальнейших пунктах к поезду князей выходили чуть ли не триумфальные процессии офицеров из штабов приветствовать „августейшего героя“.

Говорились самые низкопоклонные речи, выражалось изумление храбрости, мужеству, твердости духа великого князя, спасенного на пользу России милосердной десницей всемогущего... Кирилл и Борис слушали, стоя в окнах, и принимали за должное триумф, пышную лесть и приятные слова офицеров, благодарили и ехали дальше. Дорогой Кирилл оправился и в Петербург прибыл веселым и здоровым. Борис вновь остался в Ляояне и с прежним пылом принялся за свои подвиги с китайцами, за пьяные дебоши, кутежи и скандалы, наводя панический ужас на селения мирных китайцев одним своим видом. После Борис, никогда не бывший ни в одном бою, был награжден своим царственным кузеном и следующим чином и боевыми орденами...

Купчинский.

Думы и мысли.

Ф. Карташов. *(Франция).*

Тихому Дону.

Славный Дон ты быстротечный,
Ты достался кровью нам;
Пораскинул ты станицы
По обеим сторонам.
И поля твои широки
Так обильны для хлебов.
Протекаешь ты лесами
Между гор и межь лугов.
На горах твоих высоких
Вся природа красоты...
И цветут и зеленеют
Виноградные сады.
В саду чисто, все в порядке
И как снежный — белый дом.
Не напрасно и природа
Одарила Тихий Дон.
Дон течет так тихо, смирно,
В берегах как будто спит.
Скоро, братья, Дон проснется,
Красным хамам отомстит.
Получаем с Дона письма,
Пишут нам такую весть:
Скоро буря разразится
И настанет Божья месть...

Захарий Кондрашов. *(Франция).*

„Генерал“

Есть здесь в „Отделе“ генерал;
Всегда большую роль играл,
Всегда был зван он на обеды,
Везде одерживал „победы“...
Теперь же дни его прошли...
Уж разгадали казаки,
Что он ничтожность, нуль он, прах...
Ну, что же! Кайся во грехах!
— „Да, я казаков всегда любил,
Когда у них я ел и пил,
Но лишь от них я уходил, —
Тотчас доносы я строчил...
Я в центр писал, что здесь развал
У казаков... Но я же знал,
Что тот развал я сам творил
И в том отраду находил...
И у французов я бывал,
Казачье имя там марал:
Я всем твердил, что казаки —
Бандиты все, большевики...
Но лишь опять к ним попадал —
Обедал с ними, выпивал, —
Я казаков опять хвалил
И до небес превозносил“...
И это „старший“ здесь в „Отделе“?!
Что ж нам сказать, на самом деле,
На то, что он про нас разносит? —
„Собака лает — ветер носит“...

22 мая 1933 г.

Где действительный гроб Казачества.

Под заголовком „Самостийничество — гроб Казачества“ помещена статья в газете младороссов „Казачий Набат“ от 1-го сентября с. г. за подписью А. Боуско.

Судя по содержанию, автор писал ее „зубами щелкая и ощетиня шерсть“. Основные мысли не обоснованы фактами, а если и есть такие попытки, то факты извращены, логика недобросовестная (Московская!). Накипело у него, „горемышного“, почему это „павшие духом“ пустились в „ересь казаческую“. Ах они крамольники этакие! Всыпать им!

Я хоть и не испытанный воин на полях журнала „В. К.“, однако, рука дергается защищать наших вождей от „супостата“. Конечно, я не могу оперировать всем материалом, накопившимся веками, в защиту вольно-казачьей идеи, во-первых: из экономии места в журнале, во-вторых: этот матерьял серьезный, об'емистый; сомневаюсь, чтобы и автор Боуско воспринял все. Сказано же в священном писании: „Не мечите бисера“... Вспомнил я еще и одну быль о быке-звонаре. В молодости я был в станице Пашковской (возле Екатеринодара). Было там две церкви. У старой церкви колокола висели не на колокольне, а внизу. Однажды, в ненастную погоду, темной ночью наткнулся бык на эту звонарню, запутался в веревках рогами и давай бить набат. Не слышу ли я и сейчас пашковский набат?

Ну, пора и к делу. Вся статья разделена на четыре подзаголовка. Как введение к статье автор приводит цитату из обращения „императора“ Кирилла от 15/IV 1933 г.:

> „Пусть доблестное русское Казачество возродится в своих древних правах на своих землях с их недрами и водами“.

Подтверждение казачьих вольностей, казаки слышат не первый раз. Казачьи вольности подтверждались каждым московским венценосцем на протяжении целой истории России. Что же касается современного русского Казачества, то оно возродилось, образовало партию младороссов и... гоняется с арканом за вольными казаками. Казачество же к а з а ч ь е и не умирало! Было придушено, но снова подняло голову, гордо подняло знамя прадедов и рыцарски смело и с надеждой идет за лозунгом: „Наш девиз — Казачья воля, Казакия — наша цель“.

Вековой опыт учит казаков, что больше „вольностей“ они не получали, как: Атамана всех Казачьих Войск, иррегулярную армию, да должность жандарма России. Теперь „император“ говорит: Русское Казачество, а в России он скажет „мое Казачество“, как говорили помещики: „мои крестьяне“, „моя земля“, „мой скот“.

В первом подзаголовке: „Реальная действительность в родных краях — набат в казачью совесть зарубежья“, автор рисует картину самоотверженной борьбы казаков на родине с соввластью, голода и расстрелов и делает вывод в форме вопроса: „Что же нам, казачьей эмиграции, делать, поддержать или предать?

Противопоставлю автору вопрос: Почему казаки не смогли довести до конца начатое в 1918 дело борьбы с большевиками, где они играли ведущую роль? Уничтожение Казачества на родине — жуткая сокрушающая действительность. Казачество физически планомерно уничтожается. Физическое уничтожение казаков нужно рассматривать не только как один из пунктов коммунистической программы, но и как унаследованную большевиками от ихних предшественников задачу: искоренить этот неподдающийся ассимиляции элемент. История говорит о многих попытках со стороны казаков творить свою историю независимо, без московской опеки...

„Народ-Богоносец“ спал века; проснувшись, дикобезобразно, как раз'яренный зверь, уничтожает все... Уничтожает искусство, цивилизацию; разрушил устои семьи, общественной жизни; каленым железом выжигает „буржуазные предрассудки“ — совесть, честь; надругался над религией и плюет в небо... Орды Батыя не опустошали так в свое время, как теперь Русский народ опустошает окраинные, оккупированные ими земли. Там текут реки слез, скорби, унижения, отчаяния и реки невинной крови; матери едят своих детей, дети за несколько колосьев предают своих родителей. Храмы частью уничтожены, частью обращены в ком-клубы и ком-дома, где фабрикуются иуды заветов Иисуса Христа и где накладывается печать сатаны. К небу возносится сонм молитв отчаяния, а небо дрожит от хохота сатаны; и нужно ожидать чуда, что Господь уже вселившегося в душу красного чудовища сатану изгонит в океан.

Пока этот народ, раб своих звериных инстинктов, расправлялся с своими „рулевыми“, многие окраинные народы обособились от России и только казаки виною своих иуд не имели успеха в своих честных стремлениях. И на „жгучий вопрос“ автора, „предать или помочь“ еще раз повторяю мой вопрос: Кто подготовил в России почву для коммунистов и по чьей вине казаки не довели до конца начатое в 1918 году свое благородное дело?

Во втором подзаголовке автор высказывает мысль, что сила, которая могла бы оказать помощь казачеству и национальной России, это есть об'единенное казачество в эмиграции в одну группу, называемую „Младороссами“. Но в своем стремлении младороссы встречают сопротивление самостийных вождей. Он называет самостийность „пореволюционной язвой“, разложившейся, вожди которой, продав свою совесть, стараются гнилобным ядом отравить и здоровый казачий элемент. Самостийничество нашло себе почву среди павших духом казаков... среди павших и вербуют себе жертвы вожди самостийничества, которые в чужих интересах и на чужие средства сознательно куют измену Казачеству и России“.

Дальше автор грозит анафемой, а „жертвам“ обещает братское попечение. На это можно сказать: избави нас, Господи, от друзей, а с врагами мы справимся сами. Видно, что автор не знает революционных событий на Казачьих Землях. Не знает, что были Рады и Войсковые Круги по воле наших отцов. Воскресение казачьих традиций, казачьих вольностей — это воплощение казачьего духа, логическое заключение векового пассивного сопротивления. Самостийничество принесено в эмиграцию с родной земли, где командование доброармии так коварно и подло с ним боролось. В самостийническом движении принимают участие люди с именами, с большим жизненным опытом и неизмеримо-глубокими знаниями, чем автор. Многие за идею самостийничества отдали свои жизни. И вдруг, с позволения сказать, какая то фигура без роду и племени, выросший на московских дрождях младоросс оскорбляет память мертвых и умаляет достоинство живых.

Вожди самостийничества не могли быть и не есть разложившиеся. Они воплощают в себе желание за ними идущих, жаждущих исторической справедливости — иметь свое имя; их зовут вековые традиции; в них говорит здоровый созидательный дух.

В третьем подзаголовке автор лепечет что-то об исторических процессах, о „внутреннем сцеплении“, как свойстве русского народа, проходящим красной нитью на протяжении тысячилетней истории, под влиянием которого начинается новый собирательный процесс разорванных частей земли Русской“. Вернее это свойство можно назвать не „внутренним сцеплением“, а прилипчивостью русского народа.

Как факт силы „свойства внутреннего сцепления“ русского народа автор приводит исторический факт „измены“ украинского гетмана Ивана Мазепы.

Автор безусловно о гетмане Мазепе больше ничего не знает, как только слова из стихотворения А. Пушкина „Полтавский бой“: „Донос на гетмана злодея царю Петру от Кочубея“. Кто был из них злодей, об этом говорит украинская история. Она, к счастью украинского народа и вопреки желанию младоросов, существует.

В четвертом подзаголовке: „нецелесообразность и опасность самостийничества с казачьей точки зрения“, автор одним махом убивает двух слонов: во-первых, предрекает гибель независимых Казакии и Украины с экономической точки зрения, а во-вторых решает не-

выгодное природное положение их в смысле войн. Экономист и стратег! „Афонька, тех же шшгей, ды пожижа лей!"

Нам, вольным казакам, не следует скорбеть душой о „блудных сынах", идущих другими дорогами. Не удивительно! Ведь теперь время морального разложения. За период большевицкой войны многие из них продали свою казачью природу за „чечевичную похлебку" от московского стола, нарушили присягу и прервали духовную связь с ихними доблестными прадедами.

Некоторые же „приписные казаки" лакействуют у того-же московского стола и усердно служат ему, лепя другим ярлыки „измены казачеству" и „национальной России". События, потрясшие целым миром, разрушили русскую тюрьму, дав возможность многим народам, парализуя „силу внутреннего сцепления" самоопределиться...

Братья казаки! Будем сильны духом! Нас ждет впереди трудная задача: быть достойными наших отцов, продолжать историю свободолюбивого Казачества! Будем же черпать силу духа из опыта наших старших братьев, стоящих в наших рядах. Не будем полемизировать с младороссами; нам с ними не дорога, мы стоим в разных плоскостях: мы продолжаем историю наших славных прадедов, а они — московская партия будущей лоскутной империи...

Южная Чехия, 3 октября 1933 г. **Я. Гайдук.**

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: От Д. Чеснокова (из Франции) 10 фр. От N. N. — 100 к. ч.

В Тулузе.

Станичное правление В. К. сепаратистов в Тулузе доводит до сведения всех казаков, проживающих в Тулузе и в смежных департаментах, что 15 октября в час дня, на rue Gambetta № 43 состоится общее собрание всех казаков. На собрании будет прочтен доклад сотрудником „В. К." Е. Якименко на тему: „Когда появилась самостийность".

Станичный Атаман **Хрипушин.**

Писарь **Курило.**

Пятое Октября.

Приближается день 5-го октября (18-го по новому стилю) и по поводу этого наступающего дня можно наблюдать среди „русских казаков" некоторую суету. Они из кожи лезут вон, пользуются всяким случаем, чтобы прикрепить казаков к русскому эмигрантскому лагерю, как можно крепче закрепить взгляд иностранцев на казаков, как на царских слуг, как надежных полицейских русской монархии.

А для этой их „высокой" цели наступающий день 5-го октября — самый наилучший повод измазать измученный, но светлый лик Казачества черной краской... Потому что этот день... праздника и русской полиции.

Так вот, обратите внимание, братья казаки, на это обстоятельство, на то, как разные наши „вожди", особенно пожизненно-бездеятельные, за этот день, за навязанный „Войсковой праздник" цепляются руками и ногами, призывают казаков „достойно" отметить его молитвой и песней...

Это ничто иное, как преступление, с точки зрения жизненных интересов Казачества, желание продолжать выставлять казаков, как верных полицейских старого русского самодержавия...

Братья казаки, будьте сознательны, внимательны к нашему прошлому, серьезнее относитесь к тому, что нам говорят разные наши „вожди", умейте разбирать навязанное чужое от подлинного казачьего.

Если сейчас „русские казаки" призывают праздновать 5-ое октября, то нашим ответом должно быть наше полное презрение к их призыву. Этот день не день нашего казачьего праздника. Наш праздник наступит 10-го декабря. Это день рождения, вернее, стройного оформления и реального обнаружения исторической казачьей идеи, казачьей государственной независимости.

Если они зовут пить чай и помянуть хорошим словом рухнувший русский царский режим, то для нас, вольных казаков, есть свой подлинно-казачий день, когда мы будем пить свой чай, вспоминать наше прошлое, пить за здоровье наших казачьих героев, прославлять свое родное казачье.

Помните об этом и умейте отличать от чужого и вредного свое полезное и родное.

Довольно возиться с „матушкой", пора обратить свои взоры и все свои помыслы на свое родное, истребляемое русскими красными людьми Казачество.

Д. Чесноков. (Франция).

С'езд В. К. в Белграде.

ПРОТОКОЛ

Заседания 2-го Окружного С'езда Югославянского Вольно-казачь'его Округа, состоявшегося 27.VIII.1933 г. в гор. Белграде.

В 9 часов утра окружной атаман П. С. Поляков открывает заседание Окружного С'езда и говорит приветственное слово:

— Открывая заседание 2-го Окружного С'езда вольных казаков в Югославии, я бесконечно рад приветствовать вас от имени своего и от имени окружного правления. Наш первый шаг в Югославии сделан и сегодня мы стоим перед новым еще более серьезным и ответственным делом. Первый год нашей организованной жизни принес нам ряд побед и указал наши ошибки и недостатки. Сегодня мы их исправим и окончательно заложим фундамент прочной вольноказачьей постройки. Поздравляя вас со счастливым началом, желаю вам крепости, решимости, жертвенности и силы. Когда мы все свой долг выполним, тогда ваши внуки скажут о вас, что вы действительно любили Казачество, что вы были его достойными сынами. Нам же одно только помнить нужно, что девиз наш — Казачья Воля и что Воля эта закована в цепи и что цель жизни нашей — Казакия — должна быть создана нами. Лишь окинув радостным взором освобожденные степи, сможем мы прочесть молитву отпущения. Итак, общим разумом, радостным сердцем на работу за счастье Казачества. В час добрый!

Затем читается приветственное письмо О. С'езду от И. А. Билого и Крагуевацкой станицы, после чего окр. атаман Поляков предлагает пропеть казачьи гимны. По исполнении гимнов, он просит заслушать годовой отчет о деятельности окр. правления. Первый отчетный доклад делает сам окр. атаман. При упоминании им имени покойного Б. А. Кундрюцкова, память покойного С'езд чтит вставанием.

В 10 часов член окр. правления Н. Ф. Букин читает доклад о культурно-политической работе:

— Со дня утверждения Окружным С'ездом окружного правления, т. е. с 1 августа 1932 года, оно начало свою деятельность, направленную главным образом к культурно-политической подготовке казачьей массы.

В основание подготовки было положено сохранение казачьих старинных национальных традиций, т. е. всего того, что составляет коренную собственность казачьей национальности, а база, на которой основалась вся дальнейшая работа членов окружного правления, есть четвертый пункт постановления Белградской Общеказачьей Студенческой станицы от 19.VII.1932 года, где говорится: ... „что если обстановка потребует открытого выступления Станицы против клеветы и ос-

корблений ее или с целью дальнейшего обмана казачьих масс со стороны упомянутых лиц — Станица всегда сделает все от нее зависящее или в полном составе или через лиц, специально уполномоченных" („В. К.", № 110—111. 25 августа 1923).

Для осуществления такой задачи окр. правление пользовалось следующими средствами: 1. чтение докладов по истории Казачества как в центре, т. е. в Белграде, так и в провинции; 2. устройство литературных вечеров; 3. встречи вольных казаков и 4. переписка с отдельными лицами в интересах общей пропаганды и создания вольно-казачьих организаций.

В течение года по Округу было сделано 19 поездок: Панчево — 4, Великий Бечкерек — 1, Суботица — 1, Нови Сад — 2, Крагуевац — 1, Смедерево — 5, Бор — 1, Парачин — 2, Шабац — 2.

Поездки в Панчево. Первая поездка сопровождалась демонстрацией со стороны весьма немногочисленных противников В. К. во главе с полк. (куб.) Дьячевским, впоследствии вступившим в ряды В. К. Выступления противников успеха не имели. Ездившему тогда, теперь покойному, Борису А. Кундрюцкову удалось собрать казаков и прочитать доклад о „Настоящего времени казачьих группировках". После этой поездки начались постоянные сношения окр. правления с Панчево. 1. янв. 1933 г. по приглашению д-ра Яковлева в Панчево приехали окр. атаман П. С. Поляков, атаман Студенческой Станицы Н. Ф. Букин и Н. М. Дмитренко, нынешний представитель журнала „В. К.". Приехавшие были приглашены панчевскими казаками на сбор, где после недолгих собеседований был организован вольноказачий курень во главе с куренным атаманом Н. М. Яковлевым.

13 августа 1933 г. Н. Ф. Букин ездил в Панчево по приглашению казаков, дабы присутствовать, как член окр. правления, на принятии д-ром Яковлевым обратно должности куренного атамана по случаю возвращения из комиссии.

В Великом Бечкереке группа казаков с ярко определившимися взглядами на ВК идею, после многих препятствий со стороны противников, пригласила члена окр. правл. Н. Ф. Букина к себе на общее собрание казаков, проживающих в В. Бечкереке. Окр. правление на своем очередном заседании постановило: 25 апреля 1933 выехать Н. Ф. Букину в Великий Бечкерек для доклада. В этот же день вечером состоялось собрание казаков, на котором приехавшим было прочитано три доклада: 1. „Казачество в далеком прошлом и в период последней русской революции", 2. „Основы казачьей государственности" и 3. „Наши настоящие стремления".

На собрании присутствовал чиновник местной полиции. Подавляющее количество из всей местной казачьей колонии были кубанцы и украинцы. Донская группа, предводительствуемая донским полк. Упорниковым, присутствовала, но далеко не в полном составе, человек 7—8. Остальные были слишком запуганы г. Упорниковым, что в случае появления на самостийном собрании, казаки, по его ходатайству, будут лишены работы. Тем не менее, казаков в общем было много и доклад прошел с большим успехом, найдя много сторонников В. К., помимо той группы, которая открыто уже вступила в ряды В. К., заявив об этом в печати.

Точно также, по просьбе местных самостийников и по постановлению окр. правления, Н. Ф Букин выехал 11 марта в Суботицу. Здесь самостийникам тоже долго пришлось упрашивать своего станичника атамана, донского полк. Шебуняева выхлопотать у местных властей разрешение на собр. казаков для доклада одним из членов окр. правления. После долгой настойчивости казаков, разрешение было получено и 11 марта в Суботице на общем собрании казаков были прочитаны те же доклады, что и в Великом Бечкереке. Многочисленное собрание казаков проявило большой интерес к своей истории прошлого и еще больше к своему будущему. Незначительное количество противников в лице куб. генерала Проскурина, ес. Беднягина, дон. полк. Шебуняева и ес. Власова, успеха не имели. Точно также не удалось здесь создать официальную самостийную станицу по той же причине: запугивание лишением работы со стороны тех г. г. офицеров, которые в предприятиях на работах являются почти всюду ближайшими начальниками-предпринимателями, от которых казаки, как рабочие, находятся в прямой зависимости.

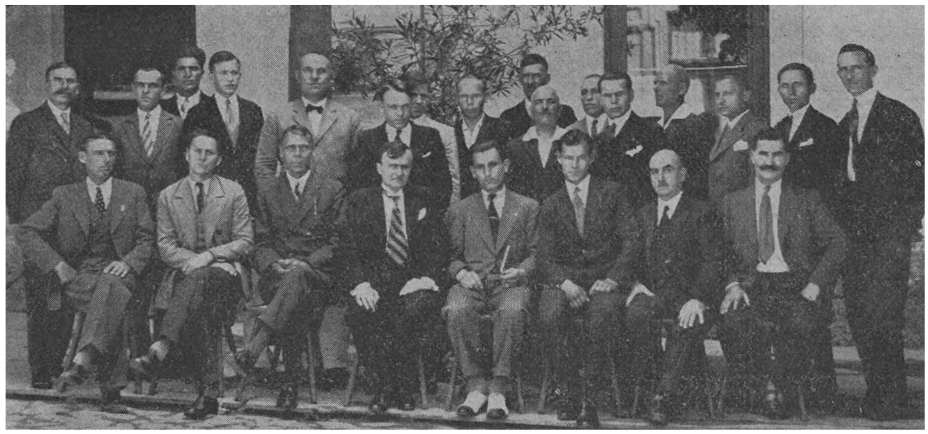
Первая поездка в Новый Сад членов окр. правления 10.IV.1932 стараниями ес. Протопопова, его приверженцами-русскими и некоторыми казаками ознаменовалась впоследствии судебным процесссом, о котором имеется точный отчет в журнале „ВК" в №№ 118—120. Этот судебный процесс явился неожиданной, но необходимой работой для окр. правления. Последнее, названное противниками В. К. из Нового Сада в газете „Русский голос" „большевиками" и т. п., приняло это в адрес всего Вольно-казачьего движения, а потому вынуждено было выступить на суде, дабы защитить и оправдать самостийников, как со стороны морали, так и с точки зрения юридической. Процесс прошел с успехом в пользу В. К. После этого процесса противники казачьей независимости во многом сократились, особенно в Новом Саду, несомненным доказательством чего может послужить вторая поездка туда Н. М. Дмитренко и Н. Ф. Букина в марте с. г. В этот день, в 4 часа дня полк. Недбаевский открыл собрание, на котором, в продолжении всей лекции присутствовал чиновник Ново-Садской полиции. Фамилии его никто узнать не мог, говорил он на сербском языке и довольно много записывал, как во время доклада Н. Ф. Букина, так и во время доклада Н. М. Дмитренко.

На собрании присутствовало не мение 100 казаков. Несмотря на то, что г. Протопопов всеми способами старался „распропагандировать" казаков, все же казаки почти все пришли. Были даже и сторонники Протопопова. И здесь оказалось то же, что и в других местах. Почти все казаки по своему внутреннему сознанию и убеждению являются самостийниками, но, будучи на службе в зависимости от лиц противных убеждений, боятся открыто вступить в ряды В. К. Здесь были прочитаны следующие доклады: „Происхождение Казачества" Н. М. Дмитренко и Казачество до революции и в период революции" Н. Ф. Букина.

18.III. 1933 г. по просьбе казаков и постановлением окр. правления, Н. Ф. Букин выехал в Крагуевац. Здесь был прочитан доклад на тему: „Что такое В. К., причины самостийного движения и наша цель". В Крагуеваце, по имеющимся сведениям, находится около 60 человек. На собрании присутствовало человек 30. Такая малочисленность об'ясняется тем, что здесь много казаков все еще связано тем или другим обстоятельством с русской колонией... Одно обстоятельство, довольно веское, это — получение помощи от Державной Комиссии через русскую колонию; другое — зависимость от тех стариков казачьих офицеров, которые занимают какое нибудь начальническое положение и, не разделяя казачьей программы, также грозят лишением заработка. Кроме казаков есть и русские, которыо тоже занимают какое нибудь более или менее известное положение; все они, конечно, в большой дружбе с казаками-единонеделимцами и об'единенным фронтом ведут борьбу с самостийниками указанным выше способом. Но здесь имеется вольноказачья станица, в которой также находятся казаки, которым то же угрожает. Члены этой станицы стали выше всего и открыто исповедывают свои убеждения.

Больше всего поездок было в Смедерево. Из общего числа поездок две относятся ко времени еще до утверждения полномочий окружного правления С'ездом. К периоду официальной работы о. правления относятся 3 поездки. 11 сентября 1932 г. О. П. было приглашено на станичный сход. Окр. атаман П. С. Поляков говорил о прошлом Казачества и его ошибках. Борис Кундрюцков о положении политических групп различного толка в эмиграции. А. П. Беломестнов о необходимости легализации и Н. Ф. Букин о взаимоотношениях Казачества и России на протяжении всей нашей истории. К этому времани настоящая Смедеровская станица была уже вольноказачья и здесь никогда не было того, чтобы казаки Смедеровской в. к. станицы боялись чьих либо угроз.

9.XII.1932 года по распоряжению окружного атамана Н. Ф. Букин выехал в Смедерево ко дню в. к. нацио-

Сидят слева: Атаман из Смедерева Гнилозуб, атаман из Бора — Кныш, атаман из Н. Сада — Недбаевский, окр. атаман П. С. Поляков, чиновник Минист. Внутр. дел Станкович, атаман студ. станицы И. Букин, атаман Панчевского куреня д-р. Яковлев, ата-Крагуевацкой ст. Пушкарев.

Стоять слева: Голобородько из Н. Сада, 1-й секретарь с'езда Недожогин, делегат из Панчева. 2-й секретарь с'езда Розинов, представитель из Суботицы Ефремов, П. М. Мерзликин (член Окр. Правл.), Онищенко — предст. Общ. Ревнит. Каз. из Белграда, Денисов — представ. Студ, станицы, Пальцев — из Смедерева (представитель), (позади) Сердюк (войск. старш.), атаман из Скопля, представитель из Н. Сада Беловолов, Г. С. Козлов 3-й секр. с'езда, Я. Ковган — из Скопля, Сурмач — представ. из Смедерева, Н. М. Дмитренко — предст. журнала „ВК".

нального праздника. Здесь он говорил о пятилетней работе В. К.

2. VII.1933 окружной атаман Студенческой Станицы выехали с ген. Кокунько в Смедерево ко дню станичного праздника.

30.VII.1933 года представитель журнала „ВК" Н. М. Дмитренко выехал в Бор с докладом о происхождении Казачества и идее В. К. Доклад прошел с большим успехом для пропаганды. Бестактные выступления приписного к Кубани г. Шевченко не оставили никакого следа. Попутно Н. М. Дмитренко с'ездил и в Парачин. Здесь в разговоре с хор. Карнауховым было решено в недалеком времени устроить сбор казаков, проживающих и в Парачине и в Кральево, одновременно в одном из этих мест.

19.VIII.1933 по приглашению казаков и по назначению о. атамана в Парачин выехал Н. Ф. Букин. На собрании присутствовало 5 человек, так как половина станицы находится вне Парачина (всего в станице 29 человек), а остальные не явились по неизвестной причине. Эти пять человек дали обещание работать в духе идеи В. К., а атаман станицы сотник Захарьин сказал, что он рад бы об'явить станицу вольноказачьей, но без сбора не может. В станице, по словам атамана, имеется 8—9 казаков, верных идее В. К. В скором времени атаман назначит еще сбор, на котором будет проводиться решение о переходе в ряды В. К. Если станица не согласится, то самостийники образуют курень или хутор и войдут в ведение окр. правления, а потому просит иметь своего представителя на Окр. С'езде.

Из двух поездок в Шабац последняя дала надежду, что в скором времени там можно будет иметь вольно-казачью станицу человек в 60. По сообщению ездившего в Шабац П. Н. Мерзликина, станичный атаман Шабацкой станицы Иконников заявил, что число самостийников растет и в недалеком будущем открыто выступит вольно-казачья станица в Шабаце. Первая же поездка И. М. Фастунова носила характер поездки для знакомства с казаками. Тогда удалось лишь заложить небольшую группу самостийников.

Все поездки по провинции предварительно подготовлялись перепиской окр. правления с казаками.

В самом Белграде в течение года было прочитано 18 докладов:

7-VIII-32 Н. Ф. Букин: Государственное строительство в Казачьих Землях в период 1917—1919 г.г.

Декабрь 1932 г. И. М. Фастунов: Шовинизм и космополитизм.

Декабрь 1932 г. К. Н. Поликарпов: Булавин и Петр.

3-I-1933. было устроено траурное заседание, посвященное памяти павших при восстании на Кубани в ноябре 1932 года. Здесь были прочитаны следующие доклады:

Н. Ф. Букин: сообщение о восстании и призыв к об'единению вокруг национального казачьего знамени.

П. С. Поляков: Современные Войсковые Атаманы. Их политика в прошлом и настоящем.

П. Н. Мерзликин: Идея, руководившая казаками при восстаниях на протяжении всей истории казачьего народа.

Б. А. Кундрюцков: Вольное Казачество, как хранитель принципов казачьей государственности.

7-II-933. П. С. Поляков: Контр-революция и Казачество в период последней революции.

12-II-933. Торжественное заседание, посвященное памяти Атаманов и Казаков, павших за свободу Казачьего народа. Здесь были прочитаны следующие доклады:

Н. Ф. Букин: 12-е февраля как день траура для всего Казачества. Значение казачьих жертв для будущих поколений казачьих.

П. С. Поляков: Идеал Правды.

Г. С. Козлов: О доле казака.

25-IV-933. П. С. Поляков: Характеристика главных путей российского государства и Казачества.

9-V-933. Н. М. Дмитренко: Происхождение Казачества.

9-V-933. Д. Родионов: История Украины.

25-V-933. Н. М. Дмитренко: Запорожское Войско, часть I.

13-VI-933. Н. М. Дмитренко: Запорожское Войско, часть II.

30-VII-933. Юбилейное заседание по случаю 225 летия со дня смерти Донского Атамана К. А. Булавина. Доклады были прочитаны следующие:

П. С. Поляков: 225 лет после Булавина.

И. И. Александрин: По следам казачьей истории.

Кроме перечисленных докладов устраивались так называемые встречи вольных казаков, на которых разбирались всевозможные вопросы, или устраивались диспуты, способом разделения собравшихся вольных казаков на два противоположных лагеря. Здесь, на встречах второго вида, присутствовали и казаки других толков, которые также вступали в диспут. Идея В. К. всегда выходила победительницей.

В период официальной деятельности окр. правления как такового было шесть вольноказачьих встреч.

Число литературных вечеров было всего два:

7-VIII-32. П. М. Мерзликин: Творчество Донского поэта. Ю, Ф. Гончарова.

С. Кульдинов: Калмыцкий эпос.

П. С. Поляков и Б. А. Кундрюцков читали свои произведения.

25-VI-33. был устроен литературно-музыкальный вечер. Путем переписки с отдельными лицами из провинции окр. правлением достигнуто образование трех

вольноказачьих организаций: в Скоплье, в Боре, в Качанах.

28-VI-33 окружное правление основало Казачий Народный Университет, в котором уже имеются члены-слушатели, рядовые казаки. Цель создания КНУ есть политическая подготовка рядового Казачества быть способными вести национальную пропаганду и на каждом шагу защитить казачье право на самостоятельность.

В настоящее время в связи с начавшимся людоедством на Дону и Кубани, окр. правление работает над тем, чтобы обратить серьезное внимание общественного мнения культурного мира на происходящий ужас в Казачьих Землях и помочь нам спасти погибающий наш народ. К этой работе окр. правление сумело привлечь белградские казачьи организации и других убеждений.

В течение года ОП имело 60 совещаний, на каковых протоколов не велось, а лишь принималось к сведению обсуждавшееся, и 35 заседаний, о чем свидетельствует наличие в окр. правлении протоколов по числу заседаний.

Помимо всего вышеизложенного, окр. правлением выхлопотано разрешение от местных властей на выпуск вольноказачьих почтовых открыток в целях пропаганды идеи В. К.

Во время чтения доклада Букиным, в 10 часов прибывает представитель в. к. из Нового Сада Антон Пыль. В 10 часов 20 минут член правления П. В. Мерзликин читает доклад о работе организационной.

В 10 часов 30 минут Н. М. Дмитренко читает отчет о казначейской части.

В 10 часов 50 минут прибывает представитель в. к. из Скоплье войск. старшина В. Сердюк. Затем прибывает представитель в. к. из Смедерево Максим Пальцев.

По окончании чтения доклада Н. М. Дмитренко окр. атама П. С. Поляков предлагает высказаться желающим по сути доклада. Я. Ковган и П. Н. Недбаевский благодарят окр. правление за работу. Доклад окружного правления принимается С'ездом при одном воздержавшемся (М. Пальцев, ввиду опоздания на С'езд).

После этого окр. атаман П. С. Поляков предлагает послать приветственную телеграмму И. А. Билому и читает ее проект: „Почто-телеграмма. Г-ну Председателю Центрального Правления Вольного Казачества в Праге Инж. Игнату Архиповичу Билому. Собравшись на II-й Окружной С'езд Югославянского Округа, вольные казаки 12-ти Вольноказачьих хуторов, куреней и станиц шлют Вам свой привет. Пусть ширится наша святая идея. Пусть растут ряды вольных казаков. Пусть живет казачья слава. Желая Вам твердости, неприклонности и сил, просим Вас передать наш казачий поклон всему Вольному Казачеству. Окружной атаман П. Поляков".

Предложение принимается единогласно. Затем окр. атаман П. С. Поляков предлагает приступить к выбору председателя С'езда. Кандидатом называется П. И. Недбаевский и Гнилозуб. Избранным оказывается Гнилозуб. Счетчиками голосов избираются П. И. Недбаевский и Сурмач.

Председатель С'езда Гнилозуб благодарит окр. правление от имени С'езда за работу и просит С'езд называть фамилии кандидатов на должность окружного атамана. С'езд соглашается с мнением П. И. Надбаевского, что окр. атаман должен быть выбран из казаков, живущих в Белграде. Кандидатами на должность О. А. называются П. С. Поляков и Н. Ф. Букин. Голосует 21 человек. Избранным оказывается П. С. Поляков (19 голосами против 2-х). Председатель С'езда Гнилозуб приветствует избранного на второй срок окружного атамана и вручает ему атаманскую булаву.

Окружной атаман П. С. Поляков занимает председательское место, благодарит за избрание и предлагает приступить к рассмотрению пункта 5-го повестки.

Об'является перерыв, который длится до 11 часов 38 минут. Во время перерыва прибывают представитель в. к. из г. Панчево Яковлев и Климов. После перерыва начинается чтение Устава, каковой принимается с некоторыми изменениями целиком.

Затем Гнилозуб предлагает ввести рев. комиссию. После некоторой дискуссии, это предложение отклоняется. В 12 час. 30 минут об'является перерыв. В 14 час. 30 минут заседание С'езда возобновляется. В 15 часов 5 минут прибывает представитель О. Р. К. в Белграде А. В. Борисенко.

Окр. атаман П. С. Поляков предлагает приступить к рассмотрению годового бюджета и просит денежной помощи на работу. Д-р Яковлев призывает казаков помочь окр. правлению. Станичник Пальцев предлагает обратиться за помощью к состоятельным казакам. Ст. Ковган предлагает следующее решение: пусть нетвердые вольно-казачьи организации посылают сколько могут, окрепшие же организации должны посылать в определенный срок определенную сумму. Ст. Голобородько предлагает, чтобы каждый вольный казак вносил по 2 динара в месяц. Ст. Гнилозуб обещает прислать в скором будущем денежную помощь от Смедеревской станицы. Окр. атаман благодарит его, а затем говорит, что если казаки будут вносить по 2 динара в месяц, то не удастся собрать необходимой суммы. П. И. Недбаевский предлагает обратиться к зажиточным казакам.

В результате постановлено: обязательный ежемесячный взнос с каждого в. казака в размере 2 динар; по приезде на места, представители должны сделать доклады и собрать нужную сумму.

В 16 часов 5 минут окр. атаман об'являет перерыв. В 16 час. 17 минут заседание возобновляется.

На заданные казаками вопросы, получены следующие ответы: 1. ВК организации, неприславшие своих представителей на Окружной С'езд, должны подчиниться его решению; 2. Атаман П. С. Поляков обещает по мере возможности найти работу безработным вольным казакам. 3. Вольные казаки с Войсковыми Атаманами считаться не должны.

Затем П. С. Поляков читает письмо станичника Бобрышева из Кочан и просит принять это письмо к сведению. После этого он предлагает решить вопрос о том, как будут посланы делегаты на Большой Круг ВК. После продолжительного обмена мнений решено: послать как можно больше делегатов, при чем большие станицы пошлют делегатов самостоятельно, а малые должны об'единиться по две-три и послать одного делегата; лучшим временем для С'езда признана осень (сентябрь, октябрь).

Затем окружной атаман П. С. Поляков назначает двух окружных писарей: Н. Ф. Букина и П. М. Мерзликина, а также казначея — Н. М. Дмитренко и оставляет за собой право приглашать на заседания О. П. того, кого найдет нужным. После этого окр. атаман читает обращение ко всем казакам, после чего решено внести в него еще имена некоторых казачьих Войск и казачьих героев. На этом Окружной С'езд закрывается.

Обращение II-го Окружного С'езда вольных казаков в Кор. Югославии ко всем казакам.

Станичники! Оторванные от Родных Краев, от Дона, Кубани, Терека, Урала, Астрахани и Войск Сибири, в преступном бездействии забыли мы свой долг, забыли славу казачью, забыли заветы дедов. А там — по оккупированной врагами степи льется кровь матерей и отцов и умирают, падая от истощения, наши сестры и братья.

И все громче и громче слышится стон рек заполньих:

— Быть ли Казачеству?

Те, за кем шли мы, изменили нам. Те, от кого ушли мы, в тяжких муках голода и расстрелов — не верят нам, ибо нас не слышат.

Казаки! Опомнитесь, проснитесь от спячки, сбросьте с себя страх и апатию. Разве не вы потомки Степана, не вы ли Емельяновы дети, не ваш ли дед Ермак? Не ваши ли братья Кулабухов и Рябовол?

Али переведется на степи Казачество? Али умрет Воля? Али померкнет казачья Слава!

— Нет!

Наученные изгнанием, наученные кровью и слезами — сами встанем за себя, сами пойдем на последний приступ. За Казакию!.. За Волю!.. За Славу!..

И пусть будет Господь Бог нам наша помощь и надежда.

Подписали: Окружной атаман **П. Поляков.** Окружной писарь **Николай Букин,** Окружной писарь **Петр Мервликин.** Окружной казначей **Николай Дмитренко.**

Секретари С'езда: **Григорий Козлов, Д. Родионов, Дм. Недожогин.**

Делегаты С'езда: **Иван Сурмач, Никифор Ефремов, Василий Сердюк, Иван Пушкарев, Ф. Денисов, Никифор Кныш, Петр Недбаевский, Максим Пальцев, Алексей Борисенко, Георгий Голобородько, Николай Яковлев, Яков Ковган, Михаил Беловолов, Николай Климов, Георгий Онищенко.**

Кубанские джигиты в Галаце.

Первое впечатление.

Новая команда кубанских джигитов под управлением вахмистра Анатолия Загуты, делая свое турнэ по Румынии, 22-го августа, проездом из Браилова в Яссы, заехала и к нам в Галац.

Слух о прибытии джигитов облетел весь город еще за два дня до появления их рекламных афиш. Узнал и я. Не откладывая в долгий ящик, сейчас же поспешил к ним.

В самой глубине широкого заезжего двора к повозкам, на которых делают свое передвижение и перевозят необходимый свой багаж из одного города в другой кубанские джигиты, были привязаны на веревочных недоуздках их соратники по занятию — лошади, а вокруг лошадей с щетками и скребницами в руках возились по домашнему одетые сравнительно молодые люди.

— Скажите, это к-да Стибы или новая?

— Новая, за исключением двух человек: Анатолия Загуты и Петра Мошнагорского, ответил мне кубанец.

— Не могу ли я их видеть?

— Нет, они ушли в город по своим делам.

Поговорив еще несколько минут об общих успехах в Румынии, мой собеседник извинился и, отойдя в сторону, ближе к своим казакам стал что-то им приказывать или рассказывать. Я остался один. Вдруг неожиданно для меня подходит ко мне совсем малого роста джигит и обращается:

— Разрешите познакомиться, Александр Короленко, вольный казак из Белграда...

— Очень рад видеть Вас. Что же Вы один из всех здесь вольный казак?

— Нет, я не один, нас много здесь, ответил он мне гордо, но только... Зайдемте, пожалуйста, в нашу столовку и там поговорим обо всем, что вообще Вас интересует.

Я с удовольствием согласился и мы направились в столовку.

Много и долго рассказывали мне джигиты о бесстрашной и смелой деятельности наших вольных казаков, молодых студентов в Сербии и даже описывали их характерные черты в ораторском исскусстве. Слышал очень хорошие отзывы о полковнике Надбаевском и о других руководителях Вольного Казачества в Сербии. Говорили и о своих противниках — „русских казаках" и о их отжившей теории казачьего руссофильства.

В общем говорили очень много и долго обо всем, что больно щипало казачье сердце и не давало и не дает ему покоя и, если бы не моя ночная работа (от 10 ч. вечера и до 6 утра), то наверное бы беседа наша затянулась до самого утра.

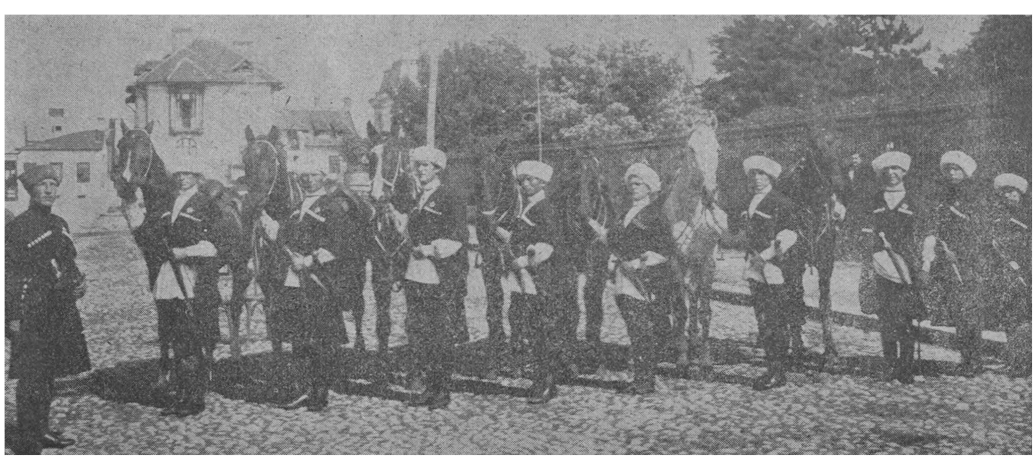
На следующий день то же самое и так до самого их от'езда из Галаца.

Джигитовка.

Первые два дня, 24-го и 26-го августа, я не был по причине своей ночной работы (джигиты выступали на городском футбольном поле при электрическом свете в $9^1/_2$ часов вечера), а в воскресенье 27 пошел. Смотрю, футбольное поле со всех сторон осаждается публикой. Ветви лип, насаженных чьей то умелою рукой вокруг поля несколько десятков лет назад, ежеминутно издают глухие трески и с шумом валятся на землю вместе с насевшими на них людьми. Усиленный наряд матросов, предназначенных для охраны порядка, не в силах оградить навалившуюся на забор и липы публику. К кассе, где продавались билеты на вход, доступа не было. Городских полицейских, поставленных специально у окна кассы, публика постепенно оттолкнула в сторону, громоздясь один на другого, чтобы скорее купить себе билеты. К тому же, видимо с заранее обдуманой целью, кто-то из публики пустил ложный слух, что „билетов осталось совсем мало и всем их не хватит". Публика еще сильнее навалилась к окну кассы... С большим трудом и горем пополам (сильно давили) я смог купить себе и трем моим знакомым билеты.

Наконец, вошли. Я глянул на часы — ровно 9 Публики полно, но мест свободных было много: все толпились поближе к арене. Всякие просьбы со стороны „директора" джигитов: занять места согласно купленным билетам, публика оставляла без внимания и лезла вперед.

Джигиты в спешенном порядке ровно выстроились в одну шеренгу и по команде н-ка: „по коням, садись". все, как один, быстро влетели в седла. Публика оживилась и, видя их работу вчера и позавчера, громко наградила шумными аплодисментами. Началась джигитовка. Все номера программы (а их было более 20) джигиты выполнили, можно сказать, великолепно. Правда, были и „грешки" с их стороны, но они были такими ничтожными, что заметить их мог лишь глаз настоящего

Слева направо: А. Загута, А. Стрелец, П. Мошнагорский, В. Давыдов, В. Вишницкий, И. Киселев, Н. Земляченко, С. Пивень, А. Сокольский и А. Короленко.

ящего казака, что же касалось остальной публики, то она их совсем не замечала и все время награждала джигитов бурными овациями.

После джигитовки, как и всегда, казаки целых полчаса веселили собравшуюся публику своими казачьими песнями и танцами: „казчком“ и „лезгинкой“, от которых публика еще больше приходила в восторг и громко аплодируя, кричала: „Bravo, kazaci! Bravo, kazaci!“ Затем „директор, поблагодарив собравшуюся публику от лица джигитов за оказанное им внимание, об'явил конец „спектакля“. Казаки сели на коней и с радостною улыбкою на лицах поехали на свою квартиру, а публика, восхваляя лихость казаков, все еще стояла большими группами посредине поля и не хотела расходиться по домам...

5 сентября, 1933 г. Галац. **А. Бабков.**

Поправка.

М. Г., г-н редактор!

В № 136 „ВК“ была напечатана моя корреспонденция „Из Смедерево“ (стр. 23), в которой я говорил о краже банки краски в державной фабрике вагонов. Ознакомившись ныне более подробно с сутью дела, я должен свое утверждение относительно роли в этом деле г. Н. Тарасевича, а именно слова: „Тарасевич краску упер из магазина и передал ее Гришину“ — целиком взять назад, равно как и все выводы, построенные на этом утверждении.

Будучи сам введен в заблуждение, я сожалея о сделанном, ныне сам спешу исправить свою ошибку.

Прошу принять уверения и пр.

Беспристрастный казак.

В Казакии.

На Кубани.

(Рассказ одного чеха, недавно приехавшего из ст. Ладожской).

Дорогие братья казаки, мое 18 летнее пребывание в ваших родных станицах сроднило меня с вами. Знаю я, как вы жили раньше, не могу молчать о том, как живут сейчас там и какие ужасы творят красные над головами ваших родных. Хочу поделиться с вами всем тем, что видел и что испытал на себе.

Со дня занятия большевиками Кубани жизнь резко изменилась и была направлена по линии большевицкой системы. Власть стала творить пролетарское государство, начали уравнивать всех, чтобы не было ни богатых ни бедных, а чтобы были все равны. На богатых начали накладывать непосильные дани мимо денег и продуктами. Многим не под силу было выплачивать наложенное, тогда к ним, по распоряжению какого либо камиссара, являлась комиссия, накладывала арест на все движимое, а через несколько дней все это продавалось с аукционного торга. Покупателями являлись исключительно приезжие из России, брали все за бесценок и поездами увозили в Россию, где на всем этом зарабатывали большие деньги. Пострадавшие с затаенной злобой мирились с суровой действительностью, исходившей из программы кровожадных тиранов, засевших в Москве.

Со всех концов России потянулись на Кубань делить землю и выгонять казаков из их хат, делить их добро, нажитое десятками лет собственными руками. Жаль и обидно было смотреть на дневной грабеж пришельцев. Казаки терпеливо молчали, боясь суровой расправы со стороны властей. Одновременно эшелон за эшелоном разгружались по станциям пришельцы, ехавшие на казачий белый хлеб. Для них никаких препятствий со стороны властей не было, наоборот их поощряли.

Так продолжалось до 28 года. Все ожидали, что скоро наступит конец испытанию. Но судьба сулила иное. Жители Кубани подверглись небывалому насилию в истории. Была об'явлена коллективизация, щедрые обещания притянули туда всю бедноту. Поработали год и когда, по уборке хлеба, власть забрала положительно все, оставив зерна на полуголодное существование, люди начали разбегаться кто куда, лишь бы не работать голодным. Непоступивших добровольно в колхоз постигла иная участь: раньше брали, но хоть немного оставляли, а теперь начали забирать у них все под метелку. Казаки начали сопротивляться, начались бунты, станицы Кубани форменным образом превратились в военные лагеря, ибо были заполнены войсками милиции и ГПУ. Все эти части, за единичным исключением, состояли из присланных из центра и пополнявшихся здесь на Кубани приехавшими туда раньше делить землю. Повелись каждый день собрания и агитаторы распинались, доказывая правоту советской власти и ее программы. Хлеборобы, обыкновенно, молча расходились из собрания, думая о том, как бы подальше и похитрее спрятать несколько пудов зерна, чтобы не голодать. Напрасны были усилия прятать, ибо развелась такая масса шпионов, что предавали всех, зачастую, по своей неопытности, даже своих родителей, а тщательные обыски и зверские пытки находили все.

В станице Ладожской прославился казак Рязанцев. Его бездушному и нечеловеческому обращению не было пределов. Казаков, неплативших продналогов, тщательно ловили. Делалось это так: дома казаков, имевших спрятанный хлеб, обыкновенно по доносу шпионов, оцепляли войсками, несколько человек заходило во внутрь, арестовывали всех взрослых мужчин, женщин, не исключая даже и беременных женщин, бывших накануне разрешения. Всех сажали в автомобиль ГПУ и увозили в тюрьму, а в доме переворачивали положительно все вверх дном. Раскапывали стены, печи, дымари, само собой разумеется, сундуки, гардеробы, срывали полы, во дворах каждое свежее место наводило их на мысль, что здесь что нибудь спрятано, рылись копались и часто находили.

Такие обыски производились каждый день и каждую ночь. В каждой станице на всех углах и переулках стояли патрули, цель их была прекратить всякое сообщение между родными и знакомыми станицы. Жизнь замерла! Каждый сидел дома и ожидал, когда приедут комиссары для обыска, автомобили сотнями увозили арестованных. Тех, у кого больше находили зерна, расстреливали без суда, а остальных сажали в тюрьмы до особого распоряжения. В тюрьмах их набиралась такая масса, что тюрем стало мало. Тогда в больших станицах и на станциях, как например Пашковская, Усть-Лабинская, Кавказская, и много других, все сараи, ссыпки, подвалы были превращены в тюрьмы. Здесь люди страшно страдали, никаких коек, нар, даже соломы! Один на другом валялись прямо на сырой земле и на цементном полу, — полураздетые, голодные, холодные. Одна такая ссыпка, какие были на Кубани, вмещала в себе тысячи. Кормили ужасно. На одного человека на сутки давали 200 гр. кукурузного хлеба и на одну такую ссыпку давали 2 тюремных штопки кипяченой воды, незаваренной, без сахару. Счастливцами считались те, кто получал кружку горячей воды. В тюрьмах и местах, приспособленных к тюрьмам, развилась такая масса вшей, что заключенные не в состоянии были обирать их на себе; под руками и в других местах вши делали большие раны, лечения никакого, страдания были неныносимые. Многие не выдерживали и каждую ночь грузовыми автомобилями и подводами увозили десятками из каждой тюрьмы мертвых, сваливали их в общую яму, поливали карболовым раствором и засыпали, как скот.

Кроме того, делали еще пытки: наполняли бутылки песком; предназначенного к пытке заводили в комиссарское помещение и этими бутылками били по голым пяткам до тех пор, пока человек сознавался — где у него спрятаны те 3-4 пуда пшеницы, что были нужны государству. Или поднимали человека и бросали

его на пол до тех пор, пока он не сознавался. Подвергшиеся таким пыткам люди долго не выживали, обыкновенно через 2-3 дня умирали смертью мучеников. Близкие и родные к заключенным не допускались, так что последние, при всем своем желании, не могли облегчить страдания своих родных и знакомых. Так проходило 2-3 месяца, а потом оставшихся в живых, как скот, сажали в вагоны до 70-ти человек в один и при трескучих морозах, в неотопленных вагонах, голодных и холодных, увозили на принудительные работы в Сибирь, в Архангельск, на Урал и проч. места.

Люди по дороге умирали, как мухи, а немногие выжившие, потом со всех концов необ'ятных просторов б. Российского государства, писали о своих муках, сотнями перечисляя умерших знакомых и родных, прося помощи:„мы раздеты, разуты и голодны, помогите нам". Но напрасно они молили, они не знали о том, что остатки их хозяйств конфискованы в пользу государства, а в их домах живут уже новые хозяева, приехавшие с Севера.

Так дорого платили те, кто прятал килограмм пшеницы, кто хотел спасти себя от голодной смерти. Коллективизация никому не дала пощады. Одной метлой выметали „кулаков"-казаков и „кулаков"-иногородних, уже давно живших на Кубани. Одновременно из Кремля исходил приказ за приказом, с требованием в корне покончить с „кулацкой" контрреволюцией, никому никакой пощады. Коммунисты говорили: „казаков мы загоним туда, где вороны не летают; мы им покажем, как мы умеем верой и правдой служить".

Начали забирать весь живой и мертвый инвертарь у кое где уцелевших в начале коллективизации, а самих казаков жали в колхозы, как скот. Начались большие волнения по станицам, некоторые из них восстали поголовно и только гром орудийных выстрелов заставил восставших замолчать.

Результат печальный! Станицу Полтавскую выселили поголовно, а на место казаков привезли красноармейцев с Севера, да и сама станица была переименована в Красноармейскую. Все лучшие казаки были расстреляны. Жители станицы, считаясь с тем, что все равно у них заберут все, начали поголовно вырезать скот, свиней, гусей, кур, уток и проч., дабы не попались в руки кровожадных коммунистов. Крик свиней напоминал приближение рождественских праздников в прежние времена...

Местные власти повели суровую борьбу за охрану животных. Малое количество их удалось сохранить, что было — взято на учет и обложено большими налогами. Сейчас в станице свинью, телка вы не увидите, кур, гусей, уток увидите разве только в 50-ти дворах, и то она государственная. Яйца должны сдавать в комиссариат, а если животное околеет, то вы должны пойти с ним в комиссариат, чтобы убедились в факте, тогда с вас снимут дань за это животное...

Все строения — сараи, заборы и проч. — начали разбирать, доски увозили в поле и там строили общежития для колхозников. Казармы строились исключительно из старого материала, даже гвозди вынимались везде и всюду и наравнивались. Все лучшие амбары были заняты под ссыпки. В лучших домах станицы поселились члены милиции, чины ГПУ и комиссары, через месяц эти дома были неузнаваемы, щекатура на стенах была ободрана, оцарапана, стекла побиты, двери выломлены. Когда дом приходил в негодность, тогда эта банда переселялась по соседству в лучший дом, одновременно вынимая из предыдущего все лучшее и унося с собой. Так уничтожают все лучшее, нажитое десятками лет трудолюбивым казаком. Ремонта никакого, ибо его некому делать, да и не с чем. Так на прежних местах красиво огороженных дворов, где было полно всякого добра, остались одни форменным образом разрушенные домики.

Не уцелели и сады. Когда владельцы узнали что не плодовые деревья наложили дань, начали их рубить беспощадно, а наступившая затем крутая зима заставила и неплодовые деревья вырубить, ибо нечем было топить; теперь на прежних местах красивых садов вырос густой непроходимый молодняк, проросший высокой травой; водятся там змеи. На местах сараев, амбаров и токов тоже поросла непроходимая высокая трава. Волосы на голове поднимались, сердце обливалось кровью от сотворенного так скоро бедствия над всем так дорого нажитым, когда бывало заглянешь на двор еще недавно зажиточного казака. Все постройки, где применялись железо, цинк, все огороды, где применялись железные и дратяные решетки, все это раскрыто, разобрано, разгорожено и увезено в Россию на фабрики; там переработано и употреблено на постройки, входящие в проект пятилетки.

Бывших станиц на Кубани теперь уже не увидите, они приняли теперь пролетарский вид, изгороди разобраны, сады и парки частью вырублены, все разбито, разодрано, оцарапано и кругом пустота. Не увидите там и тех дорог, какие были раньше с $^1/_2$ арш. толщиной пыли, некому теперь по ним ездить да и не на чем, заросли они густой травой. Нет бывалых меж между полями, все слито в одно общее поле, а если где и сохранилась какая межа, так она обязательно где нибудь далеко в глуши, заросла высокой травой и на ней воют волки. Вы этому не поверите, но это факт. Было много случаев, когда волки перегрызали горло уцелевшим клячам, лошаденкам казаков.

Табунов рогатого скота и лошадей, как это было раньше, там теперь нет, частью вырезано, а в большинстве выдохло от холода и голода. В целой станице вы не найдете теперь ни одной лошади, мимо колхоза. В станице Ладожской перед моим от'ездом на целый станичный колхоз было 4 пары лошадей, которые едва волочили ноги, а ведь на них тоже наложена норма: одна пара лошадей должна спахать в день $1^1/_2$ десятины земли. Хомутов нет, их заменяют мешки, связанные вместе и с веревочными постромками.

Страшную картину представляют из себя рабочие колхоза, оборванные, голодные, худые, без улыбки на измученных лицах. Каждый день, под угрозой грубых расправ ударников, выгоняют на работу, где над каждым десятком стоит ударник, записывает на черную доску тех, кто едва переваливается с ноги на ногу, опухший от голода. Кормят ужасно, в день получают от 400 до 600 граммов кукурузного хлеба пополам с всевозможными сурогатами. Утром чай без сахару, обед из кукурузной мамалыги и вечером чай без сахару. Все это получают только те, которые работают в колхозе, остальные члены семейства не получают ничего.

Возвращающихся с работы встречали всегда голодные детишки, которые просили хлеба... Обессилевшие умирали прямо на поле и по дороге. Первое время их все же возили на тачках домой и хоронили на кладбище, а последнее время хоронили там, где умирали, закапывали мелко, кое как, а иногда просто лицо засыпали землей, а ноги торчали наружу. Много я видел кошмарных случаев. Всех привести их не могу, приведу только некоторые.

В станице Ладожской отец большого семейства, мой сосед Буланов умер с голода по дороге с работы. На какой то тачке его привезли домой, положили на лавке в углу. Подошли к нему его детки и, дергая за лохмотья одежи умершего, просили у него хлеба, а убедившись, что перед ними лежит труп их отца, они без слез и рыданий повернулись и поплелись на огород, где от 1932 года остались в земле гнилые корни травы и картошки и ели, дабы утолить город. Мать лежала опухшая от голода, не могла ходить... Через несколько дней и она умерла. От голода же умер и его второй брат, а третьего сослали в Сибирь. Передать весь ужас на бумаге я не могу. Чтобы понять и воспринять все это, нужно видеть самому.

Еще один случай. В той же станице Ладожской умер плотник, его похоронили в его же огороде. Через несколько дней умерла сестра его жены, жившая с ними. Похоронили ее тоже рядом с мужем оставшейся сестры. Та же участь ожидала и оставшуюся в живых. Тогда она откопала сестру, вырезала лучшие части, омыла, сварила и ела. Какая участь постигла ее потом, не знаю. Вскоре я уехал оттуда.

Возле одного монастыря при ловле рыбы было выловлено больше 20-ти детских головок. Впоследствии оказалось, что родители резали своих детей и ели, а головы выбрасывали в воду. Весной 1933 года доста-

точно было показаться в районе Екатеринодара свежему толстенькому человеку с здоровым видом, а на второй день вы его уже не увидите, он исчезал бесследно. Перед моим от'ездом заграницу мне нужно было ездить в Екатеринодар, наводить справки за ходом моих хлопот относительно визы. Там я видел на улицах продавцов румяно поджаренного человеческого мяса, возле них толпилось много людей. Подхожу к одной группе, спрашиваю: ведь это человеческое мясо? Слышу в ответ: „Ну что же, оно очень вкусное". Берет кусочек и начинает есть Его примеру последовали многие из стоявших тут же...

Мало и очень мало таких счастливцев, которым все таки удавалось спрятать 1—2 пуда пшеницы или жита. И этот запас распределялся на много дней вперед — по фунту на день на целое семейство (молоть этот запас приходится домашним способом, так как все мельницы закрыты, только некоторые из них работали 3—4 часа в неделю для правящего аппарата). К этому фунту примешивали толченные в ступе сухие корни. Вся эта масса варилась или пеклась и в таком виде елась. Во время приготовления такой пищи остальные члены семьи занимали посты кругом дома, боясь чтобы никто не пришел.

Расскажу вам немного о себе. Посеял я немножко пшеницы, с большими усилиями скосил и переносил домой. Собралось нас несколько хозяев, притянули мы молотилку и мое начали молотить первым. Намолотили 64 мешка 1-го сорта и 3 мешка 3-го сорта. Приходит агент, под'ехали подводы, положили все 64 мешка и уезжают. Спрашиваю, а что же мне? Агент смотрит в сторону 3 мешков и говорит: „если тебе этого мало и ты будешь разговаривать, то поедешь туда, где не был". Пришлось замолчать и примириться с 3-мя мешками 3-его сорта. Пришла зима, начались сильные обыски. Я имел спрятанный в земле один мешок. Но боясь, что его найдут, а меня сошлют в Сибирь, я решил свой запас ликвидировать. Ночью при трескучем морозе жену поставил в таком месте, чтобы ее не было видно и она могла кругом наблюдать, откопал я этот мешок и в носках без сапогов, чтобы не хрустел снег под ногами, вынес и высыпал в канаву.

Последние четыре месяца перед моим от'ездом хлеба со своим семейством я не видел. Питались мы одной картошкой, которую я опять таки имел спрятанную в земле под будочкой для собаки (которую потом украли у меня и с'ели) в графино-образной яме. Брал я ее оттуда по ночам, ночью же мы ее варили и кушали, днем мы мало сидели дома, всегда уходили куда нибудь, ибо сидя дома мы могли навлечь на себя подозрение...

Кошку или собаку в станице вы теперь не увидите, все с'едено. Кожи, содранные с дохлого скота 5—6 лет тому назад, тоже не уцелели, из них варили холодец и кушали. В последнее время голодные шайки начали нападать на людей с золотыми зубами. Обыкновенно предлагали — давай нам золото (вырывали сами ранее приготовленными щипцами), а если тот добровольно не давал, то его на месте убивали, отрезали голову и скрывались в темный угол, где вытаскивали золото, а в „Торгсине" за него получали муку.

Охотно шли работать на элеваторы, где украдкой наедались сырой кукурузы или пшеницы. Матери начали носить для голодных детишек пшеницу или кукурузу, заматывая в тряпочку, прятали их в волосах на голове или выше колен завязывали на ногах. Но потом кто-то донес и много таких бедных женщин попало в тюрьмы и на Сибирь.

Памятник Екатерины в Екатеринодаре большевики взорвали и на его месте поставили памятник „Ильичу", который многозначуще показывает рукой на восток, как раз в ту сторону, где стоит тюрьма г. Екатеринодара. Приблизительно в том же направлении и тюрьмы Пашковская, Кавказская и др. Поэтому жители этот жест понимают по своему, передавая из уст в уста поговорку: „все вы там будете".

Войсковой собор разобран и на его месте растет трава. В станице Ладожской на протяжении 50 дворов от моего домика на все четыре стороны не больше 5—6 мужчин, да и вообще в целой станице их, мужчин, можно пересчитать на пальцах. Много их расстреляно, много померло с голоду, а больше всего в ссылках. В станице, где раньше было 20—25 тысяч населения, сейчас едва насчитывают 4—5 тысяч.

Уезжая на Родину, на станции собралось провожать меня много знакомых. Боже, с какой завистью они смотрели на меня, говоря: счастливый вы человек, хоть с голоду не умрете, а мы, несчастные, все обречены на голодную смерть.

Видел я ужасы и по дороге. Смерть каждый день косит людей сотнями. В Ростове видел многих мертвых, умерших с голоду и валявшихся на улицах днем; никто их не убирал. Когда за Харьковом в одном городе я увидел хлеб, обрадовался, думал, ну, слава Богу, хоть с голоду не умру, покупал в каждой лавочке по карточке, думая запастись на дорогу. но оказалось, чем дальше вглубь, тем хлеба было больше и у меня оказалась такая масса хлеба, что до сих пор имею его целый чемодан...

Немножко об армии. Одно время я, будучи музыкантом, за хорошую плату служил 222 Усть-Лабинском стрелковом полку в ст. Усть-Лабинской, видел красных воинов, знаю и их настроение. Как иностранец, пользовался доверием и уважением офицеров и коммунистов полка. Штаб полка стоял постоянно в ст. Усть-Лабинской, а строевых призывных обыкновенно выгоняли летом на работу в колхозы. Вид их страшный. Оборванные, не видя в течение лета ни винтовки, они не вели никаких строевых занятий при плохом питании. На зиму их распускали опять по домам, а на лето их опять призывали и проделывали с ними то же самое. Так проходила жизнь солдата, а в это время им писали из дому родные о том, что нашего отца и брата сослали в Сибирь за то, что у нас нашли несколько килограммов пшеницы. Можете сами легко представить настроение солдат, получивших такие письма. Каждый говорил, что настанет час, когда мы достанем оружие и пойдем воевать... Ни одного выстрела вперед...

Кусочек характеристики современной кубанской станицы (именуемой ныне оккупантами „деревней").

В „М." 27 сентября напечатан отчет о „докладе тов. Панфилова" на тему: „Какая литература нам нужна?" — Приводим ниже один характерный отрывок, предоставляя выводы делать самому читателю. Вот он:

„Выступает поэт Е. Горбань. Отчитывается творчеством. Горбань осенью и зимой 1932—33 г. принимал непосредственное участие в разгроме саботажа чернодосочной Темиргоевки. Глава из поэмы „Лаба"...

Перемещаемся в недавнее прошлое. В кубанскую деревню, окутанную саботажем, на нелегальное собрание, где атаман Заруба, хорунжий Бурый и раскулаченный Писковий, обсуждают, как повести за собой деревню, „вольных казаков"...

По страницам „Молота".

16 сентября: „На глазах у Мечетинского райкома и райкк гибнут десятки тонн государственного хлеба!..

Передовая начинается так:

„Последняя сводка о ходе уборки вновь и вновь приковывает внимание к скирдованию. На десятое сентября обмолочено 49 проц. колосовых и заскирдовано только 21,6 проц. В копнах и валках 29,4 проц. Сентябрьский план хлебопоставок колхозниками и единоличниками выполнен на 27 проц., а всего (натуроплата МТС и возврат семссуды совхозами), на 20 проц. Вновь и вновь приходится ставить вопрос о скирдовании и в связи с позорными итогами осеннего сева к десятому сентября, — когда посеяно только 56,786 га — 1.8 проц. плана!..."

17 сентября „распоряжение": „Больше классовой бдительности у молотилок!.."

20 сентября: „В связи с началом уборки пропашных и осеннего сева в Шахтинском районе наметилось еще более резкое отстаивание в молотьбе и хлебосдаче..."

„1200000 гектар скошенного хлеба еще в копнах и валках..."

21 сентября „вопрос": „До каких пор Миллеровское руководство будет топтаться на месте?.." Три пятидневки сентября не дали перелома в ходе скирдования, обмолота и хлебосдачи в Миллеровском районе..."

„Обливские комсомольцы благодушно созерцают свинское отношение к государственному хлебу..."

22 сентября тоже „вопрос": „Почему зерносовхоз „Гигант" позорно проваливает хлебосдачу?..

— Оказывается, что

„Только 15-го с грмадным опозданием „Гигант" закончил косовицу. 14.502 га лежит еще в валках, 20.672 га в копнах. Заскирдовано всего 11.382 га. В совхозе вся работа предоставлена самотеку.

Пока шла уборка комбайнами с корня, сдача хлеба еше двигалась вперед. Но в последние 10—15 дней в связи с окончанием уборки комбайнами молотьба, а вместе с ней и вывоз зерна почти прекратилась. Государству не сдается ни одной тоны.

Чтобы прикрыть антигосударственные действия многие руководители пытаются задержку с вывозом хлеба об'яснить исключительно недостатком рабочей силы. Некоторые руководители прямо-таки спекулируют на затруднениях с рабочей силой, не принимая никаких мер для вербовки рабочих в окружающих колхозах и правильной расстановке имеющихся сил...

В совхозе открыто проявляются артигосударственные тенденции. Первое, второе и четвертое отделения из обмолоченного зерна вывезли на элеватор только половину. По всему совхозу на 16-е сентября намолочено было 14.591 тонна, а сдано государству 9.209 тонн. Под всевозможными предлогами зерно задерживают на отделениях.

Руководство совхоза, партийная и комсомольская организация не заботятся об охране зерна на элеваторе, зернопункте и на отделениях. Сторожей набрали из случайных людей. Так на зернопункте при Трубецком элеваторе сторожами работают люди, случайно проезжавшие через „Гигант". Хлеб на этом пункте находится под открытым небом. Зерно центнерами уничтожается птицами. На отделениях сторожа спят днем и ночью. Такая же картина и на зернопункте..."

А передовая в том же номере начинается так:

„В последние дни участились сообщения из районов и колхозов об ослаблении борьбы с потерями урожая. Одновременно в отдельных районах обозначались снижение темпов хлебозаготовок и неудовлетворительный ход озимого сева. Наконец, мы имеем ряд сигналов, позволяющих говорить о некотором оживлении кулацких и антиобщественных элементов, об их попытках организовать утайку и хищение колхозного хлеба.

Налицо, таким образом, несомненные признаки демобилизации, снижения классовой бдительности некоторых местных партийных организаций, отход их от борьбы за победное завершение нынешнего сельскохозяйственного года..."

23 сентября передовая на тему: „Встанем стеной на защиту урожая от потерь!.." „Надо не дать кулаку укрепиться на наших потерях..."

„На константиновских ссыппунктах засели белогвардейцы и кулаки, зерно гниет и сваливается в реку..."

26 сентября передовая „возмущается": „Положить предел позорному отставанию совхозов..." (Советских „помещичьих" хозяйств. Ред.). — Оказывается:

„Совхозы нашего края, добившиеся серьезных успехов в весеннюю посевную кампанию не удержались на занятых позициях. Располагая всеми средствами, высокой технической вооруженностью, значительная часть совхозов до сих пор не сумела вытянуть ответственнейшего решающего звена борьбы за урожай — уборки, обмолота и хлебосдачи — и тем самым снизила хозяйственно-политическую ценность весенних достижений.

Нет никакого оправдания такой работе совхозов, когда они выполнили годовой план хлебосдачи к 20 сентября лишь на 24 проц.

Отстают совхозы не только в хлебосдаче. Во многих совхозах нет борьбы за сохранение урожая от потерь, от воров, предателей...

На многие совхозы надвинулась непосредственная угроза гибели неубранных хлебов и огромных потерь. С включением совхозов в сев и уборку пропашных, внимание к обмолоту, хлебосдаче и скирдованию совершенно ослабло..."

Там же: „Вешенские коммунисты не видят открытых проявлений саботажа хлебозаготовок..."

27 сентября „окрик": „Резко повысить производительность тракторов на севе!.."

28 сентября: „На пристанях хлеб в опасности..." „В Петровском загнивают бунты хлеба!.." „Никто не проверяет качества уборки подсолнуха. В Старо-Минских колхозах потери продолжают расти. Коммунисты оказываются в нетях..."

29 сентября: „Примиренчество к потерям в совхозах — прямое обворовывание государства..."

В Морозовском районе „под видом „сорняков" брошены сотни гектар нескошенного хлеба..."

Передовая в том же номере хочет „заложить прочную основу урожаю 1934 года." Но...

„Пленум Краевого исполнительного комитета закончился. Он подвел итоги той огромной работы, которую проделал Северо-Кавказский край по превращению колхозов в большевицкие, а колхозников в зажиточные.

. . . . . .

Однако пленум, вместе с тем, совершенно правильно оценил обстановку в крае, как чрезвычайно напряженную.

. . . . . .

Нельзя дальше мириться с безобразной работой Верхне-Донского, Обливского, Миллеровского, Тацинского, Таганрогского, Матвеево-Курганского, Мечетинского, Азовского, Кущевского, Староминского, Ейского, Павловского, Тихорецкого, Каневского, Белоглинского, Ново-Покровского и Минводского районов..."

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунову знамку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ing. Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.